В. М. Черновъ.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОЧІЙ

КАКЪ КАТЕГОРІИ ХОЗЯЙСТВЕННАГО СТРОЯ.

КНИГОЗБІРНЯ
„СТУДІОН"
у Львові

5-ое изданіе.

Изданіе объединенныхъ фирмъ

Книжный магазинъ А. А. ИВАСЕНКО
п. ф. „Одесскія Новости"
ОДЕССА, Дерибасовская, 20
Тел. 24-20.

Книжный магазинъ „ТРУДЪ"
ОДЕССА, Дерибасовская, 25
Тел. 19-28.

Одесса, 1917 г.

ЛННБ України ім. В. Стефаника
01431328М

16. 994.
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОЧІЙ,

какъ категоріи хозяйственнаго строя.

Въ семидесятые годы въ русской литературѣ былъ выставленъ одинъ широкій принципъ, который, будучи положенъ во главѣ угла общественнаго міросозерцанія того времени, все окрашивалъ собою, всему придавалъ печать своего идейнаго содержанія. Этотъ руководящій принципъ давалъ передовому направленію того времени основную точку зрѣнія, съ которой надлежало освѣщать явленія жизни. Онъ былъ тою красною нитью, которая проходила черезъ міросозерцаніе передовыхъ людей того времени и связывала всѣ ихъ отдѣльные взгляды, стремленія, убѣжденія, симпатіи и антипатіи въ одно стройное, цѣлостное зданіе.

Интересы личности, или, конкретнѣе, интересы труда, или, еще конкретнѣе, интересы народа, какъ совокупности трудящихся классовъ—такого было внутреннее содержаніе этого принципа.

Съ точки зрѣнія интересовъ личности, свобода, самостоятельность, активность и счастье которой мыслимы единственно при условіи гармоничнаго развитія всѣхъ ея силъ и способностей,—оцѣнивалось такъ или иначе значеніе всего того, что стояло или что старались поставить выше этой личности, надъ нею. Понятія общества, національности, отечества, семьи, государства предстали въ новомъ свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи «борьбы за индивидуальность». Безусловное знаніе, абсолютная справедливость, наука для науки, искусство для искусства,—все это было совлечено со своихъ пьедесталовъ и призвано къ новой роли—служителей развитія и достоинства личности на тернистомъ пути все той же ея «борьбы за индивидуальность».

Но реализація этого гармоническаго развитія, дѣйствительное развитіе и проявленіе всѣхъ силъ и способностей, дремлющихъ въ человѣкѣ—заключается только въ одномъ: въ упражненіи, въ трудѣ. Безъ упражненія, безъ труда наступаетъ атрофія человѣческихъ силъ; при трудѣ, односторонне направленномъ, при трудѣ, ненормально обставленномъ—та же атрофія однѣхъ способностей при гипертрофіи другихъ. Расчистить дорогу цѣлесообразному и планомѣрному труду, обезпечить его нормальное функціонированіе, создать для него нормальныя условія, словомъ, ограждать интересы труда—такова была практическая задача, продиктованная теоріей «борьбы за индивидуальность». Трудъ и развитіе—двѣ стороны одной и той же медали. Способность всесторонне развиваться въ трудѣ и

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 1485

ЛНБ України
ім. В.Стефаника
5334599

посредствомъ труда вмѣстѣ съ другими индивидами и ради нихъ и себя самого—такова была основная чисто-*человѣческая* черта, тенденція личности, принятая подъ свое покровительство новой теоріей. И въ то же время эта тенденція была признана единственной, къ которой вполнѣ подходило имя *общечеловѣческой*. Интересы труда не создавали никакой новой монополіи, никакой привилегіи, никакого несправедливаго изъятія въ средѣ человѣчества. Способность трудиться присуща всякому. Въ нормальномъ, разностороннемъ трудѣ—залогъ развитія, самостоятельности индивида, залогъ его счастія. Итакъ, интересы личности въ болѣе конкретной формулировкѣ сводились къ интересамъ *труда*.

Интересы труда, въ еще болѣе конкретной формулировкѣ, сводились, далѣе, къ интересамъ живыхъ его носителей. Это не была подстановка, замѣна широкаго, общечеловѣческаго понятія болѣе узкимъ. Это не было выдѣленіе какой-нибудь узкой группы,—сословія или класса,—съ ея спеціальными, исключительными интересами. Это была простая жизненная необходимость. Борясь за извѣстную идею, извѣстный принципъ, необходимо приходится бороться за ихъ конкретное воплощеніе. Защищая интересы труда, необходимо защищать живыхъ носителей этого труда,—но защищать не больше и не меньше, какъ такихъ носителей. Ровно постольку, поскольку индивидъ—будь то «воинъ, купецъ иль пастухъ»—является воплощеніемъ данной категоріи—труда,—онъ имѣетъ право на защиту своихъ интересовъ. При этомъ одинъ индивидъ со своими интересами можетъ быть болѣе или менѣе чистымъ воплощеніемъ этой категоріи, болѣе или менѣе свободнымъ отъ другихъ наслоеній. Учитель, адвокатъ, чиновникъ, ремесленникъ, купецъ, солдатъ—тоже въ извѣстномъ отношеніи люди трудящіеся, слѣдовательно, и они одной стороной своего существа входятъ въ понятіе «народа, какъ совокупности трудящихся классовъ». Но къ этой сторонѣ у нихъ прибавляется другая, которой, напротивъ, они выходятъ, выдѣляются изъ понятія «народа». И понятно, что чѣмъ болѣе интересы той или другой общественной группы покрываются интересами труда, тѣмъ болѣе они заслуживаютъ, съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность, положительнаго къ себѣ отношенія; и, наоборотъ, чѣмъ менѣе интересы группы покрываются интересами труда, чѣмъ болѣе они отдѣляются отъ послѣднихъ—тѣмъ болѣе они заслуживаютъ отношенія *отрицательнаго*.

Такъ какъ для историческаго момента, о которомъ шла рѣчь, всѣ прочіе виды труда количественно совершенно тонули въ трудѣ огромной сермяжной массы крестьянства, то именно интересы этой общественной группы заняли первенствующее мѣсто въ міросозерцаніи «людей семидесятыхъ годовъ». Само по себѣ міросозерцаніе было достаточно широко, чтобы примѣниться ко всякимъ мѣняющимся условіямъ жизни. Выдвигать на первый планъ крестьянство, классъ непосредственныхъ производителей, еще владѣющихъ средствами производства, еще не разлученныхъ съ ними—принуждала, конечно, не теорія, не то или иное абстрактное соображеніе, а сама жизнь, ея данное, конкретное содержаніе. И само собой разумѣется, что крестьянство бралось здѣсь не какъ сословная единица, не какъ культурная группа, а лишь какъ трудящаяся масса и поскольку она была такой трудящейся массой.

Таково было это стройное общественное міросозерцаніе, выдвинутое русской интеллигенціей 70-хъ годовъ, міросозерцаніе «Отечественныхъ Записокъ», блиставшее именами Некрасова, Щедрина, Елисѣева, Успенскаго, Михайловскаго... Само собой понятно, что оно не могло встрѣтить особенно дружественнаго пріема въ тогдашней литературѣ. Его опредѣленность и безпощадная послѣдовательность не могла не плодить ему множество враговъ. Но оно было силой, могущественной идейной силой, которую многіе могли ненавидѣть, но которой трудно было до извѣстной степени не подчиняться. Къ величайшему ужасу бельэтажей русской литературы, въ ней повсюду «запахло мужикомъ». Русская жизнь такъ сложилась, что не могла выдвинуть въ противовѣсъ данному идейному направленію никакого другого, которое бы могло «на поприщѣ ума» хоть сколько-нибудь состязаться съ нимъ. Всѣ теченія, добровольно или вынужденно, должны были подлаживаться къ нему, пѣть—искренно или фальшиво—въ униссонъ съ нимъ. „Народъ“ до извѣстной степени окрасилъ собою постепенно даже солидное западничество «Вѣстника Европы»; «народъ», въ качествѣ мистическаго идола, написала на своемъ знамени начавшая «народничать» «Недѣля», къ «народу», съ той или другой стороны, пробовали пристроиться и разные обскуранты, наскоро перекрасивъ въ новый цвѣтъ полинявшіе обрывки стараго славянофильскаго знамени; наконецъ, явилась даже пресловутая маргариновая «народная политика....»

Все это отошло теперь въ область преданій. И тяжелый кризисъ восьмидесятыхъ годовъ, и жадная погоня за новыми знаменами—девяностыхъ, и современный умственный разбродъ, съ растущей, но еще не заявившей властно о себѣ, потребностью единенія, соглашенія—сняли со всевозможныхъ литературныхъ подворотень и лавочекъ тяжелую и несвойственную имъ повинность прикрываться какими то идейными вывѣсками. Обскуранты откровенно объявились обскурантами; нѣкогда усердно пытавшаяся перенародничать всѣхъ народниковъ «Недѣля» храбро провозгласила теорію «малыхъ дѣлъ», «свѣтлыхъ явленій» и «примиренія съ дѣйствительностью». Самое слово «народная политика» такъ же быстро провалилось сквозь землю, какъ быстро—хотя и неуклюже—вылѣзло прежде на свѣтъ Божій подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій. Потеря, конечно, небольшая, и плакать рѣшительно тутъ не о чемъ. Но все это—маленькіе симптомы кое-чего большого, и прежде всего—идейной разрозненности, царящей теперь въ передовыхъ рядахъ нашей литературы.

Старое славное знамя семидесятыхъ годовъ, донесенное до настоящаго времени «послѣднимъ изъ могиканъ» той эпохи, Н. К. Михайловскимъ, вышедшее незапятнаннымъ изъ всѣхъ столкновеній и трудныхъ моментовъ пережитаго прошлаго, въ настоящее время подвергается нападеніямъ критики съ другой стороны. Говорятъ, что понятіе «народа, какъ совокупности трудящихся классовъ», не можетъ болѣе оставаться во главѣ угла современнаго міросозерцанія, что оно слишкомъ широко и неопредѣленно, что оно должно быть замѣнено другимъ понятіемъ, болѣе узкимъ, но за то и болѣе опредѣленнымъ понятіемъ «пролетаріата». Самая огромная общественная группа, занимавшая центральное мѣсто въ прежнемъ

понятіи «народа», именно крестьянство, классъ непосредственныхъ производителей—земледѣльцевъ, совершенно оттѣсняется, исключается... Единственно интересы труда, уже отлученнаго отъ средствъ производства, признаются заслуживающими положительнаго отношенія; всѣ остальные интересы признаются лишь постольку, поскольку, они совпадаютъ съ интересами отлученнаго отъ средствъ производства труда, съ интересами чистыхъ пролетаріевъ.

Дѣйствительно ли нужна эта поправка? Дѣйствительно ли слѣдуетъ предпочесть старой широкой формулировкѣ болѣе узкую? Мы попытаемся въ настоящей статьѣ дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, подробно разсмотрѣвши аргументацію сторонниковъ болѣе узкой формулировки, разобравъ ее шагъ за шагомъ, доводъ за доводомъ. Наиболѣе полно, обстоятельно и доказательно изложена эта аргументація въ извѣстной новой нѣмецкой книгѣ «Die Agrarfrage» Каутскаго, гдѣ ей посвящена спеціальная глава «Bauer und Proletarier» *). Авторитетъ и талантливость автора, живость и ясность его изложенія, необычайное умѣніе стройно располагать и систематически развивать свои доводы, дѣйствуя на умъ читателя не только внутренней силою, но и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлостностью и симметричностью всего построенія—все заставляетъ насъ остановиться на этой книгѣ, какъ лучшемъ, классическомъ образцѣ мотивировки того суженія формулы, о которомъ шла рѣчь выше.

Въ Германіи однимъ изъ ярыхъ противниковъ принципіально различнаго отношенія къ пролетарію и къ крестьянину является Фольмаръ. Основанія этого его взгляда очень просты. «Изъ общаго числа хозяйствъ—говоритъ онъ —круглымъ счетомъ $^{9}/_{10}$ мы должны отнести къ разряду самостоятельныхъ, независимыхъ тружениковъ-хозяевъ (по-нѣмецки это хорошо выражается однимъ словомъ—der selbstwirthschafter), которые обрабатываютъ свою землю трудами собственныхъ рукъ и рукъ своихъ домашнихъ, своего семейства. Эти крестьяне въ хозяйственномъ смыслѣ отличаются отъ современнаго пролетаріата лишь тѣмъ, что они все еще обладаютъ своими собственными средствами производства. Но это обладаніе, эта собственность, которая покоится на нераздѣльности независимо трудящагося индивида и средствъ его труда, существеннымъ образомъ отличается отъ капиталистической формы собственности, которая по самому существу своему покоится на эксплуатаціи чужого труда. Страданія этихъ крестьянъ по существу одинаковы съ страданіями наемныхъ рабочихъ; причины ихъ лежатъ въ томъ фактѣ, что въ области сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе совершается вторженіе капиталистической эксплуатаціи. Чистый доходъ сельскаго хозяйства все болѣе и болѣе переходитъ въ руки капитала; тѣмъ самымъ крестьянинъ спускается на степень данника, раба, простого управляющаго или приказчика повелителя—капитала» **).

---

*) Есть уже нѣсколько переводовъ этой книги Каутскаго на русскій языкъ, но мнѣ не попадалось на глаза ни одного, и я не знаю, переведена ли данная глава въ какомъ-нибудь изъ этихъ переводовъ.

**) См. его „Handbuch für Landtagswähler", изд. баварскаго Landesforstand'a, Nürnberg, 1899.

Такимъ образомъ, для Фольмара различія между крестьянами и рабочими—различія, въ значительной степени чисто внѣшнія, формальныя,—кажутся малосущественными, сушественно же *сходство* ихъ соціологическаго мѣста въ современномъ хозяйственномъ строѣ, отношеніе этого строя къ ихъ нуждамъ и потребностямъ. Поэтому онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что то міросозерцаніе, которое онъ раздѣляетъ вмѣстѣ со своими товарищами, не должно быть «узкой партійной доктриной пролетаріата», «индустріальныхъ наемныхъ рабочихъ», а должно выражать интересы и стремленія «всего трудящагося *народа* (des ganzen werkthäthigen Volkes)».

Противъ этой системы взглядовъ и направляется аргументація Каутскаго. «Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что уровень благостоянія типичнаго современнаго крестьянина—пролетарскій и даже, можно сказать, подъ—пролетарскій. Однако же этимъ отнюдь еще не сказано, что его классовые интересы—пролетарскіе. Соединеніе людей въ группы съ сознанною общностью интересовъ вовсе не является простою функціей одинаковой обезпеченности или необезпеченности. Нѣтъ, лишь роль данныхъ лицъ въ хозяйственной системѣ общества, тѣ отношенія къ себѣ подобнымъ и къ чужимъ, которыя вытекаютъ для нихъ изъ самаго положенія въ производствѣ—вотъ что является здѣсь основнымъ опредѣляющимъ моментомъ. Короче говоря, нужно рѣшить вопросъ, что такое крестьянство и пролетаріатъ, какъ *экономическія категоріи?* Каковы тѣ основные хозяйственные признаки, которые диктуютъ рабочимъ поведеніе, характеризующее ихъ, какъ совершенно новый элементъ всемірной исторіи? Есть ли эти признаки у крестьянъ? Если есть, то, очевидно, нѣтъ никакого основанія противополагать другъ другу крестьянъ и пролетаріевъ, какъ различные *классы;* если нѣтъ,—то столь же очевидно a priori, что крестьяне должны понимать свои интересы совершенно не такъ, какъ наемные рабочіе, и видѣть ихъ удовлетвореніе не въ одномъ и томъ же. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Каутскій и пытается дать такое опредѣленіе «пролетаріату», чтобы пропасть, отдѣляющая его отъ крестьянства, вырисовывалась съ возможно большею рѣзкостью и очевидностью. Мы попытаемся критически разобрать шагъ за шагомъ всю его аргументацію.

Каутскій находитъ всего *четыре* признака, характеризующихъ пролетаріатъ, какъ особую экономическую категорію новаго времени.

I. «Первый признакъ *современнаго* пролетаріата—это важная роль, которую играетъ онъ въ производствѣ. На немъ покоится все господствующее нынѣ капиталистическое производство. Этимъ онъ отличается, какъ небо отъ земли, отъ Lumpenproletariat'a стараго и *новаго времени* (курсивъ нашъ)».

Замѣтимъ прежде всего, что Каутскій незамѣтно суживаетъ понятіе «современнаго пролетаріата. Онъ пользуется двойственнымъ значеніемъ слова «современный». Начавъ съ того, что заговорилъ просто о пролетаріатѣ современной намъ эпохи, Каутскій кончаетъ выдѣленіемъ изъ общей массы нынѣшняго пролетаріата «современнаго» пролетаріата въ субъективномъ смыслѣ и значеніи этого слова—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ «настоящій» употребляется не какъ синонимъ *нынѣшняго*, а какъ синонимъ *истиннаго*, подлиннаго, первосортнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напр., лондонскій Lumpenproletariat, въ томъ видѣ, какъ описываютъ его побы-

вавшіе «въ трущобахъ Англіи»—не есть типическій «продуктъ послѣдняго столѣтія»? Развѣ прежнія хозяйственныя формаціи знали такого рода Lumpenproletariat, рекрутирующійся изъ «деклассированныхъ» разныхъ слоевъ и особенно изъ «избыточной рабочей арміи»,—въ качествѣ массоваго явленія? А если нѣтъ, то какое основаніе имѣетъ Каутскій давать понятію «современнаго пролетаріата» суженное опредѣленіе, подъ которое не подходитъ значительный слой современнаго городского пролетаріата? Объективно-логическаго основанія нѣтъ никакого, есть лишь субъективно-психологическое: Lumpenproletariat для марксиста хоть и Ѳедотъ, да не тотъ, хоть и пролетаріатъ, да не «настоящій», не «истинный», не «современный»—проще и откровеннѣе говоря, просто не такой пролетаріатъ, на которомъ покоятся виды и расчеты марксистовъ. Отмѣтимъ также, что «важная роль въ производствѣ», характеризуя, съ одной стороны, не всѣ виды пролетаріата, съ другой стороны, является признакомъ, общимъ для нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата съ непосредственными производителями-крестьянами. Современный капиталистическій порядокъ, съ его торговымъ, кредитнымъ и ростовщическимъ капиталомъ, съ его крупнымъ землевладѣніемъ и системой налоговъ тоже существеннымъ образомъ «покоится» на трудѣ крестьянъ, который эксплуатируется имъ различными прямыми и косвенными путями.

II. Важная роль «современнаго» пролетаріата въ производствѣ обусловливаетъ и другой признакъ, отличающій его отъ Lumpenproletariat'а. Первый вовсе не является въ такой степени «неимущимъ», какъ второй. Первый является «неимущимъ» лишь по отношенію къ *средствамъ производства*, что вовсе не предполагаетъ непремѣнно бѣдности средствами существованія,—она можетъ быть, можетъ и не быть. Второй—наоборотъ; онъ страдаетъ отъ недостатка средствъ потребленія, отъ хроническаго недоѣданія, и эти страданія стоятъ для него на первомъ планѣ, заслоняя отъ него совершенно вопросъ объ отсутствіи средствъ производства. «Современный наемный рабочій остается пролетаріемъ, пока онъ не владѣетъ условіями своего производства, хотя бы его положеніе, какъ потребителя, было вполнѣ удовлетворительно, хотя бы даже, какъ потребитель, онъ былъ имущимъ, т. е. былъ собственникомъ мебели, украшеній, даже домика для своего жилья». Его стремленіе улучшить свое положеніе «проистекаетъ не изъ его бѣдности, а изъ противоположности между нимъ и владѣльцемъ его средствъ производства».

Къ этому пока мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Каутскій, въ иныхъ отношеніяхъ крайне строго намѣчающій границы, внѣ которыхъ человѣкъ уже не имѣетъ права на титулъ «современнаго пролетарія», здѣсь оказывается довольно снисходительнымъ. Наемный рабочій оказывается «пролетаріемъ» даже тогда, если онъ домовладѣлецъ, предполагая лишь, что домъ служитъ ему не для полученія ренты путемъ отдачи его въ наемъ, а для собственнаго пользованія. Это все прекрасно, но вотъ рядъ вопросовъ, которые возникаютъ при этомъ. Ну, а если у рабочаго есть огородъ, тоже служащій для цѣлей потребленія его семьи,—останется ли онъ пролетаріемъ? Очевидно, да, ибо, какъ потребитель,—онъ можетъ быть «имущимъ». Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, разница между собственностью на домикъ и собственностью на огородъ? Но если онъ можетъ

имѣть огородъ—оставаясь при этомъ «современнымъ пролетаріемъ», то отчего бы вмѣсто огорода ему нельзя было имѣть клочка земли, засѣяннаго рожью если, опять таки, эта рожь служитъ ему для собственнаго потребленія? Мы хотимъ этимъ сказать, что положеніе—«какъ потребитель, пролетарій можетъ быть въ то же время имущимъ» или достаточно растяжимо, чтобы включить въ себя и крестьянина,—особенно живущаго натуральнымъ хозяйствомъ,—или же страдаетъ съ самаго начала внутреннимъ противорѣчіемъ и потому цѣликомъ должно быть отвергнуто. Это соображеніе еще пригодится намъ ниже.

III. Третій пунктъ отличія «современнаго пролетаріата» отъ другихъ слоевъ «трудящагося и обремененнаго» народа состоитъ въ слѣдующемъ. «Пролетарій является работникомъ не на индивидуальныхъ, а на общественныхъ средствахъ производствахъ, сосредоточенныхъ въ такихъ размѣрахъ, что пользоваться ими, употреблять ихъ въ дѣло можетъ не рабочій-одиночка, а только цѣлое общество рабочихъ».

Здѣсь Каутскому можно было бы указать, что и самостоятельные, непосредственные производители, на сколько они объединяются на почвѣ различныхъ кооперацій и ассоціацій, а также становятся «работниками на общественно-сосредоточенныхъ средствахъ производства», слѣдовательно, данный признакъ не исключительно присущъ пролетаріату. Каутскій предвидитъ это указаніе и заранѣе старается предупредить его. «При господствѣ частной собственности на средства производства—говоритъ онъ—кооперативная собственность на нихъ никогда не можетъ сдѣлаться всеобщей формой собственности; и всѣ попытки въ этомъ направленіи, какъ скоро онѣ оказываются удачными, рано или поздно принимаютъ буржуазно-капиталистическое направленіе». Это отголосокъ стараго взгляда на кооперативное движеніе, какъ на палліативъ въ извѣстномъ отношеніи даже вредный: кооперации улучшаютъ положеніе небольшихъ группъ рабочихъ, поднимаютъ ихъ надъ положеніемъ своего класса, вмѣсто того, чтобы повышать разомъ общій классовой уровень; чѣмъ удачнѣе такая попытка, чѣмъ выше поднялась данная группа надъ общимъ жизненнымъ уровнемъ своего класса, тѣмъ больше для нея опасности выродиться въ привилегированную группу, въ своего рода рабочую аристократію. Само собой понятно, что подобный аргументъ можетъ быть выставленъ и противъ всякой частичной стачки, противъ всякаго рода синдикатовъ и коалицій *). Смѣлое утвержденіе Каутскаго о какой-то внутренней неизбѣжности буржуазнаго вырожденія всякихъ кооперацій было бы, по крайней мѣрѣ, понятно въ концѣ многотомнаго фактическаго и статистическаго изслѣдованія реальной исторіи кооперативнаго движенія, — исторіи, пока еще не завершенной; исторіи, послѣднимъ шагомъ которой пока является замѣтное сближеніе между коопераціей и коллективизмомъ (бельгійское движеніе, многіе опыты во Франціи, вродѣ извѣстнаго стекляннаго завода въ Альби въ Швейцаріи, вродѣ Бирсекскаго товарищества etc.). Здѣсь же аргументировать столь смѣлыми догматическими и апріорными пророчествами значитъ доказывать одно сомнительное положеніе другимъ, еще болѣе сомнительнымъ, а это пріемъ, врядъ ли особенно научный.

*) Только проблематичес кая grève générale и свободна отъ такого упрека но къ ней-то какъ разъ и отн осятся съ наибольшими сомнѣніями марксисты

Съ другой стороны, не только есть независимые, самостоятельные производители, работающіе на общественно-сосредоточенныхъ средствахъ производства; есть и пролетаріи работающіе на индивидуальныхъ мелкихъ средствахъ производства, какъ напр., почти всѣ пролетаріи художественной промышленности Франціи, работающіе въ мелкихъ ateliers. Всѣ они, по Каутскому, «не современны», не «настоящіе» пролетаріи! Не на «общественно-сосредоточенныхъ» средствахъ производства работаетъ и громадное большинство пролетаріевъ умственнаго труда.

IV. «Наконецъ,—говоритъ Каутскій—есть еще четвертый характеристическій признакъ современнаго пролетаріата... это его отдѣленіе отъ домашняго обихода своего патрона. Наемные рабочіе прежнихъ временъ, по общему правилу, представляли изъ себя простой придатокъ домашняго обихода работодателя, они составляли принадлежность его семейства, его дома, не только какъ рабочіе, но и какъ люди; они и внѣ работы были ему подвластны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Современный наемный рабочій принадлежитъ внѣ работы только самому себѣ. Онъ тѣмъ болѣе дѣлается свободнымъ человѣкомъ и противостоитъ внѣ работъ своему капиталисту, какъ равный равному, чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства и устраняетъ феодальныя переживанія».

Во-первыхъ, очевидно, что такимъ образомъ изъ состава «современнаго» пролетаріата исключается еще новый слой трудящихся: прислуга.

Во-вторыхъ, тѣмъ же самымъ исключается изъ рядовъ его и сельско-хозяйственный пролетаріатъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ дальше характеризуетъ сельскихъ батраковъ тотъ же самый Каутскій. «Положеніе наемнаго рабочаго въ земледѣліи... принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ городской индустріи. Въ деревнѣ наемный рабочій, совершенно неимѣющій собственности, и въ то же время имѣющій свой свободный домашній очагъ—исключительное явленіе». «Свободные» неимущіе поденщики «ближе всего походятъ на городскихъ пролетаріевъ, но въ то же время существенно отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, *что образуютъ придатокъ, составную часть чужого домашняго обихода*». Словомъ, четвертый отличительный признакъ, дающій право на званіе «современнаго пролетаріата», у земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ отсутствуетъ.

Итакъ, Каутскій нашелъ четыре признака, которые дѣлаютъ неимущихъ, трудящихся, эксплуатируемыхъ людей опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, опредѣленною историческою силою, съ вполнѣ опредѣленными интересами и столь же опредѣленнымъ соціальнымъ поведеніемъ.

Какъ было сказано выше, для Каутскаго не та или другая степень благосостоянія объединяетъ людей въ классы, а положеніе въ производствѣ, положеніе, создаваемое для людей ихъ ролью въ хозяйственномъ механизмѣ страны. Современный капиталистическій строй, напримѣръ, вызвалъ къ жизни особый слой людей, составляющихъ трудовую основу капиталистическаго производства, занятыхъ на средствахъ производства, общественно сосредоточенныхъ и не имъ принадлежащихъ, людей, внѣ работъ независимыхъ отъ своихъ нанимателей. Этотъ общественный слой и является современнымъ пролетаріатомъ, особымъ общественнымъ классомъ, альфой и омегой практическаго марксизма.

Нетрудно видѣть, что такимъ образомъ для Каутскаго только индустріальный, фабрично-заводскій наемный рабочій и является «настоящимъ» пролетаріемъ *).

Теперь понятно, какъ долженъ относиться Каутскій къ крестьянству. То приравниваніе трудового крестьянства по его интересамъ къ пролетаріату, которое мы видѣли у Либкнехта и Фольмара, для Каутскаго, конечно, должно казаться грубо-ошибочнымъ. «У крестьянъ ни въ какомъ комъ случаѣ нельзя найти всѣ эти четыре признака, характеризующихъ пролетаріатъ»—и это въ глазахъ Каутскаго безповоротно рѣшаетъ вопросъ. Крестьянство есть совершенно особый общественный классъ, съ особыми интересами, и объединять его въ одной рубрикѣ съ индустріальнымъ пролетаріатомъ, какъ «трудящійся» или «рабочій» народъ—неправильно.

Нельзя не признать, что этотъ выводъ сдѣланъ Каутскимъ совершенно логично. Изъ его предпосылокъ иныхъ заключеній нельзя было и сдѣлать. Достаточно было найти возможно болѣе узкое опредѣленіе понятія «пролетаріатъ», чтобы вырыть между нимъ и крестьянствомъ цѣлую бездну. И Каутскій дѣйствительно сдѣлалъ для этого все возможное. Его опредѣленіе «пролетаріата» настолько узко, что сквозь него, какъ сквозь игольныя уши, не проходитъ ни современный Lumpenproletariat; ни прислуга, ни сельско-хозяйственный батракъ, ни ремесленный подмастерье, ни работникъ художественной промышленности, ни пролетарій интеллигентныхъ ремеслъ, ни рабочій въ системѣ «домашней промышленности».

Но, изгнавши изъ рядовъ пролетаріата такое множество самаго доподлиннаго рабочаго люда, добился ли, по крайней мѣрѣ, Каутскій своей основной цѣли? Получилъ ли онъ въ итогѣ массу, вполнѣ однородную, съ совершенно одинаковыми интересами и соціальной психологіей? Вотъ вопросъ. И на этотъ вопросъ я отвѣчаю: нѣтъ! Каутскій, въ качествѣ яраго объективиста, искалъ непремѣнно внѣшнихъ, объективныхъ, формальныхъ признаковъ для характеристики класса. Но внѣшнее, формальное сходство слишкомъ часто бываетъ поверхностнымъ. Возьмемъ хотя бы управляющаго заводомъ или директора акціонерной компаніи. По Каутскому должно выходить, что это «настоящіе современные пролетаріи»... Въ самомъ дѣдѣ, 1) средствами производства они не владѣютъ, 2) въ производствѣ роль играютъ чрезвычайно важную, 3) работаютъ (трудъ управленія) общественно-сосредоточенными средствами производства, 4) внѣ производства свободны и равны нанимателю, не составляютъ простого придатка къ его жизненному обиходу... Но вѣдь это же—скажете вы—заправскіе буржуи! Они получаютъ тысячное жалованье, купаются въ шампанскомъ! Нужды нѣтъ: «пролетаріи должны быть неимущими лишь по отношенію къ средствамъ производства, а не къ предметамъ потребленія»...

---

*) Иначе смотрѣлъ на дѣло, наприм., покойный Либкнехтъ—этотъ въ общемъ ортодоксальнѣйшій изъ марксистовъ старой школы «Насъ—говоритъ онъ въ своей брошюрѣ: «Grund und Bodenfrage»—часто старались выставить защитниками рабочихъ, исключительно, принимая слово рабочій въ узкомъ и тѣсномъ смыслѣ промышленныхъ наемныхъ рабочихъ. Но развѣ земледѣліе не такая же промышленность, какъ и другія? И не только наемный рабочій въ городѣ и деревнѣ есть рабочій, но каждый, кто живетъ не отъ эксплуатаціи чужого труда, слѣд., и крестьянинъ, и мелкій ремесленникъ...»

Вотъ результатъ увлеченія формальнымъ опредѣленіемъ. Оно одновременно и слишкомъ широко и слишкомъ узко*).

Обратнаго рода операцію продѣлываетъ Каутскій съ крестьянствомъ. Здѣсь онъ не только не опредѣляетъ заранѣе, что онъ понимаетъ подъ крестьянствомъ, но, напротивъ того, умышленно оставляетъ это слово въ широкомъ и неопредѣленномъ значеніи, что можно было потомъ втиснуть въ него самыя разнородныя соціологическія величины. По этому методу легко превратить въ противоположности два любыхъ родственныхъ понятія: стоитъ только одно взять въ самомъ широкомъ, а другое—въ самомъ узкомъ смыслѣ слова.

Но предоставимъ слово самому Каутскому. «У крестьянина никоимъ образомъ нельзя найти всѣхъ этихъ характерныхъ признаковъ. Указываютъ на ипотечнаго кредитора, который является-де фактически господиномъ, владѣльцемъ крестьянскаго имѣнія. Но на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ къ нему не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, но въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю. Благодаря своему ипотечному долгу, крестьянинъ *такъ же мало дѣлается пролетаріемъ, какъ мало дѣлается пролетаріемъ фабрикантъ оттого, что ведетъ свое предпріятіе въ наемномъ помѣщеніи вмѣсто собственнаго...* Крестьянинъ всегда остается владѣльцемъ средствъ производства владѣльцемъ своихъ орудій, инструментовъ, скота, словомъ—своего хозяйственнаго инвентаря. Конечно, все это также можетъ быть отягощено долгами; однако онъ, тѣмъ не менѣе, все таки выполняетъ функціи предпринимателя, а какъ таковой онъ остается *въ противорѣчіи* (курсивъ подлинника) *къ пролетаріату* (in einem Gegensatz zum Proletariat), *такъ же, какъ и фабрикантъ*, который только производство свое ведетъ *на заемный капиталъ*, которому тоже не принадлежатъ его средства производства, но который, однако, функціонируетъ, какъ индустріальный *капиталистъ* и въ качествѣ таковаго *враждебно противостоитъ пролетаріату*» **).

Такъ аргументируетъ искусный діалектикъ – Каутскій. И, несомнѣнно, его аргументація имѣетъ всю внѣшнюю видимость правдоподобія. Скажу даже болѣе: съ чисто-формальной точки зрѣнія онъ совершенно правъ. Но извѣстны свойства этого рода правоты, правоты исключительно формальной. Именно про нее сказано, что summum jus—summa injuria. И мы поставимъ своей задачей доказать, что формальная правота Каутскаго есть величайшая неправота, величайшій грѣхъ, величайшее насиліе надъ цѣлымъ рядомъ неоспоримѣйшихъ истинъ политической экономіи. Именно этимъ мѣстомъ Каутскій, правовѣрнѣйшій и умнѣйшій изъ совре-

*) Насколько проще и глубже опредѣленіе, данное самимъ Марксомъ къ I т. «Капитала»! Вотъ оно: «въ экономическомъ смыслѣ пролетаріями называются наемные рабочіе, которые производятъ «капиталъ» и увеличиваютъ его стоимость, и которыхъ онъ выбрасываетъ на улицу, когда они становятся излишними для округленія «господина капитала» (т. I, стр. 536). Здѣсь только два признака: одинъ формальный (наемные), другой—реальный (округленіе «господина капитала». И въ то же время отсюда прямо явствуетъ правота Фольмара, для котораго крестьянинъ и пролетарій суть одинаковыя экономическія сущности при разницѣ формъ правленія.

**) «Die Agrarfrage», S. 307—308. Курсивъ вездѣ нашъ, кромѣ мѣста, которое оговорено въ текстѣ.

менныхъ правовѣрныхъ нѣмецкихъ марксистовъ, показываетъ или полное неумѣнье или полное нежеланіе понять относящіяся сюда положенія своего великаго учителя, Карла Маркса. Говорю это смѣло, потому что чувствую подъ собою твердую почву: тѣ мѣста изъ Маркса, которыя я приведу, не оставляютъ ничего желать въ смыслѣ ясности и не допускаютъ никакихъ перетолкованій.

Раскроемъ третій томъ «Капитала», въ которомъ заключается все ученіе Маркса о кредитѣ. Посмотримъ, можно ли, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія теоріи Маркса, ставить, какъ это дѣлаетъ Каутскій, знакъ равенства между отношеніемъ крестьянина къ своему ипотечному кредитору-ростовщику и отношеніемъ фабриканта къ своему банкиру.

Какая разница между *кредитомъ* и *ростовщичествомъ?* вотъ вопросъ, которымъ, между прочимъ, задается Марксъ въ 36 главѣ III-го тома. Существующіе отвѣты на этотъ вопросъ онъ считаетъ неудовлетворительными. Онъ не признаетъ, чтобы это различіе было только количественнымъ и цѣликомъ сводилось на ту или иную высоту взимаемаго %. Въ самомъ дѣлѣ, если я на занятый капитала получаю 100% прибыли, и если я владѣльцу занятаго капиталъ отдаю половину или даже треть, то врядъ ли его по отношенію ко мнѣ можно назвать ростовщикомъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ тѣ же 30 или 50% на занятый капиталъ были бы самымъ жестокимъ ростовщичествомъ. Высота общаго %, какъ и высота % ростовщическаго, измѣняется подъ вліяніемъ особыхъ экономическихъ законовъ, и по одному этому непосредственнаго, рѣшающаго значенія не имѣетъ. Различіе между обоими способами употребленія капитала чисто принципіальное, оно лежитъ въ существѣ этихъ обоихъ способовъ. «Newmann—говоритъ Марксъ—выражаетъ это въ нелѣпой формѣ, когда говоритъ, что банкиръ пользуется уваженіемъ, между тѣмъ какъ на ростовщика смотрятъ съ ненавистью и презрѣніемъ, вслѣдствіе того, что одинъ даетъ ссуду богатымъ, а другой—бѣднымъ... Онъ не замѣчаетъ, что между тѣмъ и другимъ *лежитъ различіе двухъ общественныхъ способовъ производства и соотвѣтствующимъ имъ общественныхъ укладовъ*» *). Какъ мы видѣли, еще менѣе замѣчаетъ это Каутскій.

Въ чемъ же дѣло? Да въ самомъ назначеніи кредита, въ самомъ смыслѣ этой операціи для заемщика. Когда капиталистъ занимаетъ деньги, онъ употребляетъ ихъ, какъ капиталъ, какъ самовозрастающую стоимость. Занятыя деньги, затрачиваемыя имъ въ производство, даютъ ему возможность купить на рынкѣ особаго рода товаръ—рабочую силу—имѣющій свойство доставлять прибавочную стоимость. Кредитъ, такимъ образомъ, *обогащаетъ* заемщика. То, что онъ уплачиваетъ своему кредитору въ видѣ % на капиталъ, есть лишь часть *прибавочной стоимости*, доставшейся ему, благодаря своеобразной «производительной силѣ» занятаго капитала. Такимъ образомъ, заемъ здѣсь оказался сдѣлкой, въ которой выигрываютъ обѣ стороны—и заимодавецъ и заемщикъ—на счетъ третьей. Немудрено, что идеологическіе представители современнаго хозяйственнаго строя не устаютъ пѣть хвалы кредиту, и «вмѣсто

*) «Капиталъ», т. III, стр. 450.

того, чтобы предавать анаѳемѣ капиталъ, приносящій проценты вообще», «поставили, напротивъ того, положительное признаніе его своей исходной точкой». Ростовщичество же до сихъ поръ возбуждаетъ всеобщее порицаніе.

И, однако, «капиталъ, приносящій проценты, поскольку онъ составляетъ существенный элементъ капиталистическаго способа производства, ни въ какомъ случаѣ не отличается ни сущностью, ни характеромъ отъ ростовщическаго капитала. (Это и есть то формальное тождество, которое соблазнило К. Каутскаго. *В. Ч.*). Отличны только измѣненныя условія, при которыхъ ему приходится дѣйствовать, а потому также *совершенно преобразовывается и заемщикъ*, который противополагается заимодавцу»*).

Когда занимаетъ деньги непосредственный производитель, живущій собственнымъ трудомъ, характеръ отношенія между нимъ и заемщикомъ существенно мѣняется, какова бы ни была величина процента. Это уже не сдѣлка, въ которой выигрываютъ обѣ стороны. Занимаемыя деньги не даютъ заемщику дарового фонда для уплаты %. Деньги сами по себѣ, по своей вещественной природѣ, не способны рождать новыя деньги. Платежъ процентовъ заемщикомъ здѣсь знаменуетъ только то, что въ карманъ заимодавца перекочевало изъ кармана заемщика въ видѣ денегъ извѣстная часть «кристаллизованнаго труда», и перекочевала безъ всякаго соотвѣтственнаго эквивалента, — т. е. по существу точно такимъ же образомъ, какъ перекочевываетъ въ карманъ промышленнаго капиталиста безъ соотвѣтственнаго эквивалента прибавочная стоимость, неоплаченный трудъ наемнаго работника. И это при всякомъ, хотя бы самомъ низкомъ размѣрѣ %. Съ ростомъ % мѣняется не сущность, а лишь размѣры, лишь интенсивность процесса, который по существу совершенно аналогиченъ процессу чисто-капиталистической эксплуатаціи. «Подъ видомъ % ростовщикъ можетъ при этомъ поглотить всякій избытокъ сверхъ необходимѣйшихъ средствъ существованія производителя... ростовщикъ, недовольный еще тѣмъ, что выжимаетъ прибавочный трудъ своей жертвы, мало по малу пріобрѣтаетъ право собственности на самыя условія труда крестьянина, на его землю, домъ и пр. и постоянно занятъ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ экспропріировать его» **).

И вотъ, къ этой-то несчастной, раззоряемой и эксплуатируемой жертвѣ ростовщичества подходитъ Каутскій, смотритъ на нее сквозь очки своего доктринерскаго формализма и хладнокровно заявляетъ: «онъ такъ же мало дѣлается, благодаря этому, пролетаріемъ, какъ мало дѣлается пролетаріемъ фабрикантъ, оттого что ведетъ свое предпріятіе на заемный капиталъ»... Если бы это не объяснялось доктринерствомъ, которое способно ослѣплять самыхъ лучшихъ людей, то это было бы свидѣтельствомъ по истинѣ изумительной нравственной черствости. Сравненіе этой гибнущей въ сѣтяхъ ростовщическаго капитала жертвы съ фабрикантомъ (!) мыслимо только, какъ увлеченіе оторвавшагося отъ жизни кабинетнаго мыслителя или какъ издѣвательство надъ человѣческими страданіями...

Быть можетъ, намъ возразятъ, что Каутскій говорилъ не о ростов-

---

*) Ibid., стр. 494.
**) «Капиталъ», т. III, стр. 490.

щичествѣ, а *просто* объ ипотечной задолженности. На это мы отвѣтимъ словами Маркса: «капиталъ, приносящій %, *сохраняетъ форму ростовщическаго* капитала по отношенію къ лицамъ и классамъ, или въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ займы совершаются и могутъ совершаться *не въ смыслѣ капиталистическаго способа производства;* когда занимаютъ на личныя потребности... или когда производитель *не есть производитель капиталистическій, а мелкій крестьянинъ*, ремесленникъ и пр., т. е. пока непосредственный производитель остается еще владѣльцемъ условій своего производства» *).

Таково чисто принципіальное различіе между капиталистическимъ и некапиталистическимъ кредитомъ, т. е. ростовщичествомъ (въ томъ глубокомъ, научномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ его употребляетъ Марксъ). Капиталистическій кредитъ служитъ могучимъ орудіемъ промышленнаго процвѣтанія. Онъ сосредоточиваетъ капиталы, не даетъ имъ праздно лежать, переводитъ ихъ изъ рукъ неумѣлыхъ и праздныхъ въ дѣятельныя и предпріимчивыя; онъ удваиваетъ, утраиваетъ и т. д. производительныя силы общества, увеличиваетъ спросъ на трудъ со всѣми вытекающими отсюда благопріятными для рабочаго послѣдствіями. Что же касается не капиталистическаго, ростовщическаго кредита **) и кредитнаго капитала, то онъ, «обладаетъ способомъ эксплуатаціи капитала, не обладая его способомъ производства» ***). «Ростовщическій капиталъ, въ такой формѣ, когда онъ фактически присваиваетъ весь прибавочный трудъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа производства... приводитъ этотъ способъ производства въ бѣдственное состояніе, *ослабляетъ* производительныя силы, вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое плачевное состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы труда *не развиваются* на счетъ самого рабочаго, какъ при капиталистическомъ способѣ производства» ****). Онъ «способа производства не измѣняетъ, но, какъ паразитъ, присасывается къ нему и приводитъ его въ бѣдственное состояніе... высасываетъ его, лишаетъ его живучести, и принуждаетъ воспроизводство совершаться при все болѣе и болѣе ухудшающихся условіяхъ» *****). Словомъ, и по существу сдѣлки, по ея хозяйственному смыслу для контрагентовъ, и по историческому своему значенію кредитъ капиталистическій и кредитъ некапиталистическій представляютъ чуть-чуть не прямыя противоположности ******). Такова теорія Маркса. И Каутскій, ставящій себѣ въ честь свою «ортодоксальность», не знаетъ или ничего не хочетъ знать объ этой противоположности!

---

*) Ibid., стр. 494.

**) А некапиталистическій кредитъ не будетъ ростовщическимъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ организованъ цѣлесообразно самимъ обществомъ, или какъ безпроцентный, или при процентѣ, лишь покрывающемъ необходимые расходы по организаціи доставленія кредита, т. е. безъ всякой прибыли.

***) «Кап.», III, стр. 492.

****) Ibid., стр. 490—491.

*****) Ibid, стр. 491.

******) Этимъ и объясняется, почему % въ старыя времена пользовался такимъ общимъ осужденіемъ. Наши прадѣды не знали капиталистическаго кредита, и для нихъ кредитъ и ростовщичество были величины, другъ друга взаимно покрывавшія. Одно время % былъ запрещенъ церковью.

Марксъ характеризуетъ отношеніе крестьянина къ своему кредитору такъ, что послѣдній «фактически присваиваетъ прибавочный трудъ (а иногда даже весь прибавочный трудъ) непосредственнаго производителя». А Каутскій рѣшается утверждать, что онъ, на худой конецъ, стоитъ къ нему «не въ отношеніи капиталиста къ наемному рабочему, но въ отношеніи землевладѣльца къ предпринимателю.» Для Маркса крестьянинъ есть эксплуатируемый трудящійся, жертва заимодавца, а для Каутскаго онъ «выполняетъ функцію предпринимателя и, какъ таковой, стоитъ въ противорѣчіи къ пролетаріату, такъ же, какъ и фабрикантъ»... Болѣе вопіющее противорѣчіе было бы трудно придумать даже нарочно.

Все, что сказано относительно капиталистическаго и некапиталистическаго кредита, примѣнимо также къ капиталистической и некапиталистической арендѣ. То, что отдаетъ арендаторъ-капиталистъ землевладѣльцу, есть особая экономическая категорія—рента, источникомъ которой—какъ и источникомъ процента на ссужаемый капиталъ *) — въ послѣднемъ счетѣ является прибавочная стоимость. Рента—говоритъ Марксъ въ Misère de la Philosophie—«ставитъ передъ земледѣльцемъ... промышленнаго капиталиста, извлекающаго изъ земли доходъ посредствомъ труда наемныхъ рабочихъ и отдающаго землевладѣльцу, въ видѣ арендной платы, *лишь излишекъ* надъ издержками производства, *включая въ нихъ и прибыль на капиталъ*». Иное дѣло при некапиталистической арендѣ мелкаго крестьянина. «То что онъ платитъ въ видѣ аренды, не только зачастую поглощаетъ часть его прибыли, т. е. часть его собственнаго прибавочнаго труда, на которую онъ имѣетъ право, какъ владѣлецъ собственныхъ орудій труда, но также часть нормальной рабочей платы, которую бы онъ получилъ при другихъ условіяхъ за такое же количество труда» **). А въ «Misère» Марксъ даже говоритъ еще прямѣе, что въ этомъ случаѣ «доходъ землевладѣльца берется изъ заработной платы».

Для Каутскаго этотъ крестьянинъ, конечно, всетаки равенъ фабриканту, который только ведетъ производство въ нанятомъ помѣщеніи вмѣсто собственнаго!

Всѣ эти различія сводятся къ одному. Тогда какъ Каутскій пользуется общимъ и неопредѣленнымъ терминомъ «Unternehmer» (предприниматель), чтобы сдѣлать рядъ невыгодныхъ для крестьянина сравненій («als Fabrikant», «als Kapitalist»)—Марксъ съ отличающей его всегда глубиной замѣчаетъ, что «мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства, и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, *вовсе не составляютъ капитала*» ***). Поэтому, говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ, въ рукахъ мелкихъ крестьянъ земли «ein reines Productionsinstrument» и «эксплуатація крестьянъ только по своей *формѣ* отличается отъ эксплу-

---

*) Земля есть тоже капиталъ, поэтому рента до нѣкоторой степени аналогична проценту. Аренду можно разсматривать, какъ ссуду капитала-земли. Но такъ какъ земля есть капиталъ особаго рода (прежде всего, не увеличиваемый по произволу), то и движеніемъ ренты управляютъ законы, особые отъ движенія процента.

**) «Кап.», III, стр. 516.

***) «Кап.», I, стр. 616.

атаціи рабочихъ. Эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же—капиталъ».

Отсюда ясно, кто въ данномъ пунктѣ—въ спорѣ о соціологическомъ мѣстѣ крестьянства—болѣе «марксистъ» (въ настоящемъ, а не въ ироническомъ смыслѣ этого слова)—еретикъ ли Фольмаръ, или правовѣрнѣйшій изъ правовѣрныхъ Каутскій...

Раздѣлавшись такъ неудачно съ первымъ пунктомъ, характернымъ для пролетаріата и противопологающимъ ему крестьянство, Каутскій поочередно перебираетъ другіе: важную роль въ производствѣ, отдѣльность жизненнаго обихода отъ работника производства, въ которомъ онъ занятъ, наконецъ, работу на общественно-сосредоточенныхъ, а не разрозненныхъ, индивидуальныхъ средствахъ производства. Мы уже видѣли, что эти признаки или характерны не для всѣхъ видовъ пролетаріата (понимая подъ пролетаріями людей, живущихъ продажей своего труда, какъ товара, владѣльцамъ капитала), или же при извѣстныхъ условіяхъ могутъ оказаться приложимыми и къ крестьянину.

Всѣ эти соображенія рѣшаютъ a priori для Каутскаго вопросъ о крестьянинѣ и пролетаріи въ томъ смыслѣ, что, какъ категоріи хозяйственнаго строя, они не только различны, но и во многихъ отношеніяхъ противоположны. Отсюда вытекаетъ, что соотвѣтственное различіе и противорѣчіе должно существовать и въ *интересахъ* крестьянина, съ одной стороны, пролетарія—съ другой. Каутскій ищетъ далѣе апостеріорнаго подтвержденія этому положенію, спѣшитъ провѣрить свою дедукцію индукціей. За доказательствомъ вѣрности своего положенія Каутскому не приходится идти далеко: «всего рѣзче эта противоположность интересовъ должна выражаться среди крестьянъ у тѣхъ, которые употребляютъ обычно наемныхъ рабочихъ, т. е. у крупныхъ крестьянъ» *).

Здѣсь мы видимъ новый образецъ чисто-адвокатскаго способа аргументаціи Каутскаго. Пока онъ оперировалъ съ понятіемъ «пролетаріата», онъ старался вложить въ него вполнѣ опредѣленное, строго отграниченное отъ сопредѣльныхъ понятій содержаніе; настолько отграниченное, что множество видовъ пролетаріата осталось за порогомъ, по изреченію: «много званныхъ, но мало избранныхъ». Напротивъ, говоря о крестьянствѣ, онъ не позаботился ни о чемъ подобномъ.

Спрашивается, въ какомъ смыслѣ употребляетъ Каутскій слово «крестьянство»? Есть только два точно опредѣленныхъ, ясныхъ для науки смысла. Крестьянство можно разсматривать, какъ *сословіе*, какъ категорію юридическаго строя и какъ *классъ*, какъ категорію хозяйственнаго строя. «Bauernklasse»—этотъ терминъ *Марксъ неоднократно* прилагаетъ**) какъ разъ къ тѣмъ самымъ крестьянамъ, для которыхъ земля «ein reines Productionsinstrument», которымъ Фольмаръ даетъ названіе «Selbstwirthschafter», т. е. непосредственный производитель земледѣлецъ. Его хозяйственный обликъ нашъ крестьянинъ-поэтъ Кольцовъ обрисовалъ замѣчательно образно и мѣтко, заставивъ его говорить, обращаясь къ своей сохѣ и сивкѣ:

---

*) Die Agrarfrage, S. 308.
**) См. «Achtzente Brumaire», стр. 21 и др.

«я самъ-другъ со тобою, слуга и хозяинъ». Онъ именно «слуга и хозяинъ» своихъ орудій производства.

Спрашивается: какое же изъ этихъ двухъ понятій соединяетъ Каутскій со словами «крестьянство», «крестьянинъ»? Беретъ ли онъ его въ качествѣ сословія? Но это было бы болѣе чѣмъ странно. Въ сословномъ смыслѣ крестьяниномъ можетъ быть и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и мелкій торговецъ, и кабатчикъ, и крупный землевладѣлецъ, и фабричный рабочій, и кучеръ, и швейцаръ, и студентъ, и докторъ философіи, и еще, ужъ я не знаю, кто. Но вѣдь Каутскій пишетъ не юридическій трактатъ, а политико-экономическій. А съ экономической стороны «крестьянское сословіе» такой сложный конгломератъ, что о немъ, какъ цѣломъ, говорить вовсе не приходится: какъ таковое, оно есть объектъ права, а не политической экономіи. Очевидно, что говорить, о хозяйственныхъ интересахъ такого, съ экономической точки зрѣнія, винигрета (sit venia verbo) вовсе не приходится, и сравнивать его съ пролетаріатомъ—категоріей экономической—просто немыслимо. Сравниваютъ только величины однородныя. Аршины нельзя сравнивать съ пудами.

Такъ, можетъ быть, Каутскій говоритъ о крестьянствѣ во второмъ, экономическомъ смыслѣ? Опять таки нѣтъ, ибо онъ къ крестьянамъ относитъ Grossbauer'овъ, а ихъ соціологическое мѣсто, несомнѣнно не рядомъ съ тѣми, для кого земля „ein reines Productionsinstrument", а въ рядахъ сельско-хозяйственной буржуазіи. Въ экономическомъ смыслѣ все равно, изъ дворянъ ли, изъ мѣщанъ, изъ купцовъ, изъ духовныхъ или крестьянъ данный землевладѣлецъ. Разъ онъ съ земелькой «ведетъ коммерцію»,—онъ относится къ буржуазіи, хотя бы родомъ онъ былъ раскрестьянинъ. И наоборотъ въ классъ самостоятельныхъ производителей-крестьянъ попадутъ и подгородные мѣщане, занимающіеся «въ потѣ лица своего» хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, и малоземельные «однодворцы», и надѣленные землей отставные солдаты или духовные, и даже увлекающіеся толстовствомъ «земледѣльцы изъ образованнаго класса»...

Въ какомъ же, наконецъ, смыслѣ говоритъ о «крестьянахъ» Каутскій? Да неизвѣстно въ какомъ... Или, лучше сказать, онъ беретъ это слово просто въ его *уличномъ*, вульгарномъ и до безконечности неопредѣленномъ и растяжимомъ значеніи. Это даетъ ему возможность въ первый рядъ среди крестьянства поставить «*вышедшихъ* изъ крестьянъ» буржуйчиковъ и тѣмъ доказать наличность «классового противорѣчія» крестьянъ съ пролетаріатомъ. Это, конечно, удобный и легкій способъ аргументаціи; вопросъ другой, насколько *наученъ* этотъ способъ. Что сказали бы вы о томъ философѣ или психологѣ, который, взявшись разсуждать объ отношеніи между душой и тѣломъ, взялъ бы оба эти термина или одинъ изъ нихъ въ ходячемъ, вульгарномъ смыслѣ, согласно которому, напр., чувство голода относится къ «тѣлу», и только горнія мечты «къ духу»? Вы, вѣроятно, сказали бы, что это—вульгарная психологія, вульгарная философія. Такъ вотъ и Каутскій, стремясь найти доказательство искомой «противоположности интересовъ», попадаетъ одной ногой въ область вульгарной экономіи, вульгарнаго марксизма...

Нѣтъ ничего легче, какъ на подобный аргументъ отвѣтить подобнымъ же, даже еще болѣе сильнымъ аргументомъ. Статистика показываетъ,

что порядочная доля ипотечныхъ долговъ на крестьянскихъ земляхъ сосредоточена въ рукахъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, въ которыя помѣщаютъ свои сбереженія рабочіе. Такимъ образомъ, источникомъ процента, получаемаго рабочимъ на свою книжечку, въ послѣдней инстанціи является неоплаченный трудъ крестьянина, этого «предпринимателя», яко бы функціонирующаго «als Fabrikant»... Роли перемѣняются, эксплуатируемые превращаются въ эксплуататоровъ и обратно...

Но послушаемъ Каутскаго далѣе. Онъ и помимо гроссбауэровъ находитъ свидѣтельство противорѣчивости интересовъ крестьянъ и пролетаріевъ. Возьмемъ, говоритъ онъ, среднихъ крестьянъ, въ общемъ не употребляющихъ наемнаго труда, живущихъ «трудами рукъ своихъ», но производящихъ свои продукты для рынка. «Здѣсь пропадаетъ противорѣчіе эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ; но остается и здѣсь еще то противорѣчіе, которое существуетъ между наемными рабочими и всѣми производителями средствъ существованія для рынка: противорѣчіе между продавцами и покупателями» *).

Новая противоположность интересовъ! О, да, конечно, всякій продавецъ всегда хочетъ взять за свой товаръ дороже, а покупатель—купить его дешевле. Этого противорѣчія никто отрицать не будетъ. Но не надо забывать и того, что *такое* противорѣчіе проникаетъ собой все современное общество. Всѣ его члены—даже члены одного и того же класса капиталистовъ и торговцевъ—являются по отношенію другъ къ другу попеременно то покупателями, то продавцами. И если бы это противорѣчіе необходимо вело къ соціальному расколу, къ расколу на отдѣльные классы, то классовъ явилось бы болѣе, чѣмъ отраслей производства и торговли... Я, конечно, не отрицаю, что классъ есть понятіе относительное, что между нѣкоторыми отдѣльными отраслями капиталистическаго производства есть даже кое-какія очень серьезныя столкновенія интересовъ. Я говорю только, что это не является еще рѣшающимъ факторомъ. Противорѣчіе интересовъ между продавцемъ и покупателемъ не только допускаетъ вообще соглашеніе; оно нисколько не мѣшаетъ тому и другому быть въ предѣлахъ одного и того же общественнаго класса. Если ужъ на то пошло, такъ противорѣчіе интересовъ, существующее между продавцами одного и того же товара будетъ, пожалуй, посущественнѣе противоположности покупателей—продавцовъ. Продавцы одного и того же товара—конкурренты, а въ конкурренціи—homo homini lupus. Рабочіе—также продавцы нѣкотораго товара—труда, и также конкуррируютъ меду собою. Это не мѣшаетъ (т. е., конечно, мѣшаетъ, но не настолько, чтобы вліять рѣшающимъ образомъ) ихъ единству и классовой солидарности. Далѣе, и между отдѣльными слоями рабочаго класса тоже существуетъ немалые диссонансы. Ими особенно богата исторія англійскаго узкаго, стараго трэдсъ-юніонизма. Да и одного ли англійскаго! Вотъ, напримѣръ, что говоритъ въ своей исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія Мерингъ, являющійся вмѣстѣ со своимъ другомъ Каутскимъ однимъ изъ наиболѣе «правовѣрныхъ»: ростъ профессіональныхъ организацій рабочихъ въ металлургической промышленности долгое время шелъ туго, «частью оттого, что они организовались безъ достаточнаго обособленія отраслей, вслѣдствіе чего столкнулись очень различные, даже противоположные интересы» (Geschichte etc., S. 325). Принципъ объединенія долженъ бороться съ многочисленными разъединяющими вліяніями. Но противо-

*) Die Agrar[illegible]

Львівська обласна наукова бібліотека № 1495
Львів. Бібліотека АН. УРСР
16.994.
ЛНБ України ім. В.Стефаника 533499

рѣчіе интересовъ при болѣе узкомъ ихъ пониманіи превращается въ *солидарность* при взглядѣ болѣе широкомъ, разумномъ и сознательномъ. Такова оборотная сторона медали въ вопросѣ о конкурренціи рабочихъ изъ-за платы.

Такая же оборотная сторона есть и въ отношеніяхъ между крестьянами и пролетаріями, какъ покупателями и продавцами; и Каутскій про эту оборотную сторону знаетъ. «Рабочій классъ—главный потребитель сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; чѣмъ выше заработная плата рабочаго, тѣмъ больше его покупательная сила, тѣмъ сильнѣе спросъ на продукты крестьянскаго хозяйства, тѣмъ благопріятнѣе условія ихъ сбыта. Слѣдовательно, крестьянинъ заинтересованъ въ благосостояніи рабочаго».

Съ обычной своей діалектической ловкостью Каутскій полемизируетъ противъ этого взгляда. Конечно, говоритъ онъ, общество есть сложный организмъ, и въ немъ нельзя тронуть ни одной части, чтобы это не отозвалось косвенно на другихъ. Но если выводить отсюда солидарность крестьянъ и пролетаріевъ, то, будучи послѣдовательнымъ, придешь къ самой вульгарной теоріи всеобщей гармоніи интересовъ. Такъ, вѣдь можно сказать, что и капиталисты должны повышать заработную плату своихъ рабочихъ, потому что это—лучшее средство расширить внутренній рынокъ. А съ другой стороны, можно сказать, что рабочіе заинтересованы въ высотѣ прибыли капиталистовъ—чѣмъ выше прибыль, тѣмъ сильнѣе накопленіе капитала, тѣмъ больше спросъ на рабочіе руки, а стало быть, тѣмъ выше заработная плата, etc., etc. «То, что опредѣляетъ взаимныя отношенія различныхъ классовъ и благодаря чему эволюціонируетъ капиталистическое общество,—это вовсе не косвенная отдаленная гармонія ихъ интересовъ, или, по крайней мѣрѣ, лишь въ малой мѣрѣ она; въ первой линіи это—непосредственныя противорѣчія ихъ классовыхъ интересовъ» *).

Чѣмъ непосредственнѣе единство или противорѣчіе интересовъ, тѣмъ, конечно, легче оно сознается; и, наоборотъ, чѣмъ болѣе оно является косвеннымъ и отдаленнымъ, тѣмъ труднѣе его разглядѣть. Это истина несомнѣнная. Но только это и вѣрно въ приведенной аргументаціи Каутскаго.

И прежде всего онъ поторопился, уподобивъ идею о выгодности для крестьянъ высокой заработной платы городскихъ рабочихъ доказательствомъ полезности для капиталистовъ возвышать заработную плату для расширенія рынка сбыта собственныхъ продуктовъ. Каутскій просмотрѣлъ маленькую разницу, которая опрокидываетъ все его сравненіе. Чтобы расширить сбытъ своихъ продуктовъ указаннымъ путемъ, фабрикантъ долженъ сначала *изъ собственнаго кармана* выложить всю лишнюю сумму, на которую возрастетъ потомъ его рынокъ. Такая операція хуже переливанія изъ пустого въ порожнее. Лучше же онъ самъ на эту сумму купитъ у себя соотвѣтственное количество продукта. Нечего говорить, что въ отношенія между крестьянами и городскими рабочими не вкрадывается никакихъ подобныхъ препятствій.

Нѣтъ сомнѣнія, если бы капиталистъ могъ улучшать положеніе своихъ рабочихъ деньгами, падающими съ неба, а не таскаемыми изъ собственнаго кармана, онъ ни на минуту не задумался бы сдѣлаться филантропомъ, а кстати этимъ способомъ увеличить и покупательную силу внутренняго рынка. Такъ, напр., въ Англіи промышленная буржуазія не упускала случая взять подъ покровительство закона сельско-хозяйственныхъ рабочихъ противъ землевладѣльцевъ; а послѣдніе въ отместку ока-

*) Die Agrarfrage, S. 309.

зывались столь же ярымм демократами по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ. Точно также и фабричные рабочіе ничего не имѣютъ противъ повышенія капиталистической прибыли, если оно идетъ не на ихъ счетъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе цвѣтущи дѣла фабрики, тѣмъ легче добиться уступокъ и рабочимъ. Въ наиболѣе богатыхъ капиталистическихъ странахъ, и положеніе рабочихъ сравнительно легче, и шансы успѣшности ихъ экономической борьбы больше*). Неудивительно поэтому, что среди значительной части англійскихъ рабочихъ долгое время имѣлъ успѣхъ даже имперіализмъ. Англійской промышленности нужны рынки, нужна агрессивная политика для ихъ захвата, а съ положеніемъ этой промышленности на всемірномъ рынкѣ тѣсно связано и благосостояніе англійскаго рабочаго. И вотъ результаты изъ хроники только что закончившихся англійскихъ парламентскихъ выборовъ. «Если Шотландія, Ирландія и большинство сельскихъ центровъ продолжаютъ голосовать противъ министерства, зато м-ръ Чемберленъ, видимо, имѣетъ за себя значительное большинство во всѣхъ большихъ городахъ», пишетъ одна французская газета («La Petite République», 7 oct. 1900). А вотъ еще маленькая частная иллюстрація изъ той же газеты: «Имперіалисты побѣдили въ Шеффильдѣ, гдѣ либеральный депутатъ, рабочій Маддисонъ, побитъ довольно сильнымъ большинствомъ... «Daily Chronicle» приписываетъ этотъ результатъ тому факту, что городъ Шеффильдъ, гдѣ фабрикуются въ громадномъ количествѣ стальныя издѣлія, сильно заинтересованъ въ производствѣ военныхъ снарядовъ и орудій, откуда и джингоизмъ его обитателей» (Ib. 6 oct. 1900). Какъ видите, и рабочіе, хотя и не являются непосредственно поставщиками товаровъ на рынокъ, однако порою даже очень чувствуютъ себя заинтересованными въ большомъ спросѣ и хорошихъ цѣнахъ на продукты того производства, въ которомъ они заняты... Этотъ случай съ Шеффильдомъ напоминаетъ мнѣ другой аналогичный случай, о которомъ Каутскій самъ разсказываетъ въ своихъ интересныхъ очеркахъ «Die Klassengegensätze von 1789». Онъ отмѣчаетъ слѣдующую странность: вмѣстѣ съ отсталой, некультурной Вандеей центромъ клерикальной и легитимистской реакціи очень долго, почти во все время великой французской революціи, былъ самый крупный индустріальный центръ Франціи—Ліонъ. Ларчикъ просто открывался. Ліонъ былъ центромъ шелковой промышленности, шитья золотомъ и т. д., и вынужденная эмиграція феодальнаго дворянства сильно ударила его по карману... И кромѣ Ліона, продолжаетъ Каутскій, значительное число фабрикантовъ и торговцевъ (главнымъ образомъ предметами роскоши) тяготѣли къ знати, которая была потребителемъ ихъ продуктовъ. Отсюда и привязанность этой части буржуазіи къ старому порядку. Таковы факты, сообщаемые Каутскимъ-историкомъ. А Каутскій-догматикъ, наперекоръ ему, конструируетъ «непосредственное классовое противорѣчіе» между продавцами и покупателями...

Въ чемъ, однако, конкретномъ можетъ выразиться противорѣчіе между покупателями-рабочими и продавцами-крестьянами? Да, конечно, въ томъ, что крестьяне могутъ желать и требовать искусственнаго повышенія цѣнъ на свои продукты путемъ возвышенія покровительственныхъ пошлинъ, путемъ привилегіи насчетъ потребителей. Всмотримся поближе въ этотъ послѣдній теоретическій козырь Каутскаго.

Прежде всего, отмѣтимъ слѣдующее. О покровительственныхъ по-

*) Ср. что говоритъ по этому поводу Зомбартъ „Soziale Bewegung des XIX Jahrh.", S. 30.

шлинахъ можетъ быть рѣчь лишь въ странахъ не вывозящихъ, а ввозящихъ хлѣбъ—слѣд., странахъ, гдѣ собственное сельско-хозяйственное производство отошло на второй планъ и не можетъ удовлетворять потребностямъ всего населенія страны. Слѣдовательно, пресловутое «противорѣчіе» прежде всего замкнуто въ сравнительно узкихъ, мѣстныхъ границахъ и всеобщаго характера не имѣетъ. Мало того. Какъ разъ для тѣхъ странъ, гдѣ земледѣліе, а слѣд., и крестьянство имѣютъ *наибольшее значеніе*,— аргументъ Каутскаго не имѣетъ *никакого значенія*. Это во первыхъ.

Во вторыхъ, никто иной, какъ самъ Каутскій въ томъ же своемъ «Аграрномъ вопросѣ» превосходно освѣтилъ интересный и важный вопросъ: кому, собственно говоря, выгодны ввозныя пошлины на продукты сельскаго хозяйства? Онъ категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что «еще до сихъ *сельскому хозяйству* покровительственныя пошлины ни разу не помогли... если бы даже и была возможной энергичная, дѣйственная политика въ духѣ аграрнаго протекціонизма, ея результаты послужили бы поощреніемъ не *сельскаго хозяйства*, а лишь *землевладѣнія*, т. е. возвысились бы цѣны на землю, благодаря поддержанію на высокомъ уровнѣ земельной ренты... это только продолжило бы отягощеніе сельскаго хозяйства» *). Настоящее трудовое западно-европейское крестьянство (но не выдѣлившаяся или выдѣляющаяся изъ него буржуазія) чувствуетъ всегда одну, самую настоятельную потребность, общую для него съ его восточными собратьями: «землицы-бы»... Недаромъ иные новѣйшіе политико-экономы разсматриваютъ даже вопросъ о цѣнѣ земли, какъ частное проявленіе, своеобразную, превращенную форму вопроса о безработицѣ. Земля для крестьянъ и сельскихъ рабочихъ, особенно въ густо населенныхъ странахъ, есть просто средство обезпеченія себѣ заработка и средствъ существованія. Гумпловичъ называетъ сельскаго пролетарія, занятаго лишь часть года и потому вынужденнаго или уходить за болѣе постояннымъ заработкомъ въ городъ, или обзавестись хоть маленькимъ; да собственнымъ хозяйствомъ—«Bauern-Axolotl», или, въ вольномъ переводѣ, личинка крестьянина. Усиленный спросъ на землю повышаетъ арендную и покупную стоимость земли далеко надъ уровнемъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, надъ уровнемъ нормальной капитализированной ренты, поглощаетъ громадную долю дохода, въ томъ числѣ не только ту часть, которая соотвѣтствуетъ «прибыли», но даже нерѣдко вычеты изъ нормальной заработной платы. Аграрный протекціонизмъ, согласно марксовской теоріи ренты, разумѣется, долженъ вести къ новому росту послѣдней, новому, тягчайшему для крестьянъ росту арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю. Это будетъ поважнѣе, чѣмъ болѣе высокая рыночная цѣна на продукты сельскаго хозяйства. Не надо забывать, что громадная часть тѣхъ крестьянъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, производитъ главнымъ образомъ не для рынка, а для собственнаго потребленія. Это не то, что крупный сельскій хозяинъ, у котораго потребленіе своихъ продуктовъ in natura начинаетъ приближаться, по своему хозяйственному значенію, къ потребленію своихъ издѣлій городскимъ ремесленникомъ—сапожникомъ, портнымъ и т. п. Въ практикѣ такихъ крестьянъ не рѣдко встрѣчается продажа хлѣба для того, чтобы потомъ вновь купить его по болѣе дорогой цѣнѣ—при чемъ подъ внѣшнею абсурдною оболочкой продажи для обратной покупки скрыта совершенно иная по существу хозяйственная операція: заемъ денегъ, подъ залогъ хлѣба, за

*) Die Agrarfrage, S. 249.

неизвѣстный заранѣе %, даже съ увѣренностью, удастся-ли получить обратно заложенную вещь или придется довольствоваться худшей. Только тѣ мелкіе крестьяне, земля которыхъ находится подъ различными спеціальными культурами, болѣе заинтересованы въ уровнѣ рыночныхъ цѣнъ, но продукты спеціальныхъ культуръ какъ разъ наименѣе страдаютъ отъ заатлантической конкурренціи, а, слѣдовательно, наименѣе заинтересованы во ввозныхъ пошлинахъ: сильнѣйшую конкурренцію терпитъ зерновое хозяйство, а въ немъ роль собственнаго потребленія крестьянъ всего больше. Итакъ, все это «противорѣчіе интересовъ» сводится къ слѣдующему. Рабочіе заинтересованы въ дешевизнѣ цѣнъ на съѣстные припасы (хотя также не нужно преувеличивать интенсивность этого интереса, ибо до извѣстной степени заработная плата—не смотря на свойственную ей силу инерціи—тоже приспособляется къ колебаніямъ этихъ цѣнъ). Очень малая часть трудового крестьянства очень мало заинтересована въ высотѣ рыночныхъ цѣнъ на эти припасы, слѣдовательно, гораздо большая часть крестьянства заинтересована въ низкомъ уровнѣ арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю. Самъ Каутскій не станетъ отрицать, что противоположность интересовъ между трудовымъ крестьянствомъ и крупнымъ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ гораздо больше, чѣмъ принимаемая имъ рознь крестьянъ и рабочихъ, какъ покупателей и продавцовъ. А вѣдь всякое вздорожаніе продуктовъ сельскаго хозяйства, представляющее ничтожный плюсъ для хозяйства мелкаго крестьянина, одновременно представляетъ громадный плюсъ для его крупнаго конкуррента. Но плюсъ моего конкуррента есть мой минусъ; не ясно ли, что въ этомъ минусѣ совершенно тонетъ безъ остатка весь предыдущій ничточный плюсъ? Я уже не говорю о томъ, что индустріальные капиталисты, которымъ невыгодны высокія цѣны на съѣстные припасы—дороже стоитъ содержаніе рабочихъ, приходится больше имъ платить—требуютъ въ протекціонистской политикѣ соотвѣтственнаго эквивалента и для себя. Въ качествѣ крупной общественной силы, они почти всегда добиваются этого эквивалента. Кто же долженъ его выплатить? Потребитель индустріальныхъ продуктокъ, въ томъ числѣ этотъ же самый крестьянинъ. Можно поэтому не колеблясь сказать, что при торжествѣ протекціонный системы различныя *переплаты* крестьянина способны по два, по три и болѣе разъ покрыть его *переборы* на болѣе высокихъ цѣнахъ при продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Нѣтъ сомнѣнія, что не всегда крестьянинъ понимаетъ всю эту сложную сѣть хозяйственныхъ условій, которая его окружаетъ. А всякій лишній пятакъ или гривенникъ, который можетъ ему перепасть на рынкѣ, есть нѣчто явное, осязательное. Да, конечно; на этомъ-то и выѣзжаютъ прусскіе аграріи въ своей реакціонно демагогической тактикѣ. Они пользуются темнотой крестьянина и стараются посѣять между нимъ и городскимъ рабочимъ сѣмена вражды. Задача лучшихъ людей—разогнать этотъ туманъ, освѣтить крестьянину его положеніе, его истинные интересы, поднять его отъ узкаго пониманія этихъ интересовъ до болѣе широкаго. Вѣдь и фабричный рабочій не отъ природы «мыслитъ діалектически». Его подняло на ноги болѣе чѣмъ полустолѣтіе культурно-образовательнаго воздѣйствія, осуществлявшаго «Das Bundniss der Denkenden und Leidenden».

Но предположимъ даже на время, что Каутскій правъ. Предположимъ, что высокія цѣны и протекціонизмъ приносятъ крестьянину непосредственныя выгоды. Стремясь къ высокимъ цѣнамъ, требуя приви-

легій для своихъ продуктовъ, крестьянинъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ превратнаго понятаго интереса, а подъ вліяніемъ правильно понятаго, но узкаго, исключительнаго интереса, который заставляетъ его враждебно сталкиваться съ массой своихъ покупателей-рабочихъ. Если бы мы даже это признали, развѣ мы получили бы искомое принципіальное различіе между работникомъ и крестьяниномъ? Вовсе нѣтъ. Мы уже видѣли, что и рабочій, хотя онъ непосредственно не выноситъ на рынокъ производимые имъ товары, однако можетъ быть очень сильно заинтересованъ въ хорошей на нихъ цѣнѣ. Не только пошлина, но даже война, если только она дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ, можетъ отвѣчать его *узкимъ, непосредственнымъ* интересамъ. Этого мало. Рабочій и самъ, непосредственно выноситъ на рынокъ особый товаръ—свой трудъ, свою мускульную и нервную силу. И какъ крестьянинъ можетъ требовать несправедливыхъ привилегій для своего товара, такъ можетъ ихъ требовать и рабочій. Напримѣръ, конкурренція итальянцевъ даетъ себя сильно чувствовать въ Швейцаріи, на югѣ Франціи. Мѣстные рабочіе этимъ сильно недовольны. Нерѣдко случаются у нихъ съ итальянцами и ссоры, и драки, и побоища. Какъ крестьянину иногда кажется (хотя и напрасно) полезнымъ оградить національный рынокъ отъ ввоза болѣе дешеваго чужеземнаго хлѣба, такъ и рабочимъ-пролетаріямъ кажется выгоднымъ (и дѣйствительно, пролетаріямъ *данной страны* это было-бы *непосредственно* выгодно) оградить національный рабочій рынокъ отъ ввоза болѣе дешевой чужеземной рабочей силы. Точно такъ же рабочій можетъ требовать привилегіи и даже монополіи для *мужской* работы противъ конкурренціи *женской*. Въ другомъ мѣстѣ своего «Agrarfrage» Каутскій самъ говоритъ про тотъ типъ рабочаго движенія, который онъ называетъ «чистопрактическимъ», и существо котораго заключается въ служеніи исключительно узкимъ, непосредственнымъ интересамъ рабочаго класса. «Общественное развитіе—заявляетъ онъ даже—стоитъ для насъ выше интересовъ пролетаріата; мы не можемъ защищать такіе пролетарскіе интересы, которые стоятъ поперекъ пути общественному развитію» *).

Конечно, Каутскій тотчасъ же прибавляетъ, что *въ общемъ* такого противорѣчія нѣтъ, въ общемъ интересы того и другого совпадаютъ. Однако же, въ частности «внутри пролетаріата можно найти самые различные слои. Существуетъ рабочая аристократія... которая слишкомъ легко становится въ противорѣчіе интересовъ съ общей массой пролетаріевъ». Эта рабочая аристократія особенно склонна къ «чисто-практической» тактикѣ. Отсталые элементы, идущіе изъ города въ деревню, не квалифицированные рабочіе, конкуренты-рабочіе изъ-за границы, женщины-работницы—всѣ они возбуждаютъ недоброжелательное отношеніе «элитовъ пролетаріата». Чувство широкой солидарности, гармоніи интересовъ не всегда скоро пробивается сквозь голосъ «непосредственнаго», узкаго интереса.

Когда рѣчь шла объ отношеніяхъ между крестьянами и рабочими, то Каутскій утверждалъ, что именно непосредственныя противорѣчія интересовъ, а не отдаленная ихъ солидарность, являются рѣшающимъ, опредѣляющимъ моментомъ. Исходя изъ этого положенія, онъ долженъ былъ бы такъ же поставить крестъ надъ рабочей аристократіей, какъ и надъ крестьянами. Не тутъ-то было... Обученные, квалифицированные рабочіе, не смотря на ихъ аристократическія замашки, по своему культурному уровню, выучкѣ, стойкости, дѣловитости etc. представляютъ элементъ

*) Die Agrarfrage, S. 318.

слишкомъ цѣнный. Немудрено, что для нихъ у Каутскаго находится другой аршинъ, чѣмъ для крестьянъ... *).

Такова аргументація Каутскаго. Необходимо замѣтить, что онъ въ разборѣ отношеній между крестьянами и рабочими совершенно опустилъ еще два пункта, въ которыхъ солидарность ихъ интересовъ является въ достаточной степени *непосредственною*. Во-первыхъ, высота общаго уровня заработной платы чрезвычайно важна для всякой крестьянской семьи, потому что она нерѣдко обращается къ разнаго рода отхожимъ, подсобнымъ заработкамъ—въ томъ числѣ и фабричнымъ. То отдѣльные члены крестьянской семьи, не порывая съ ней связи, спеціально посвящаютъ себя фабричному заработку, то отправляются на него попеременно, спорадически. Состояніе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ производства всегда представляетъ очень разнообразную и пеструю картину. Это не мѣшаетъ существованію нѣкотораго общаго уровня, такъ же, какъ переливы волнъ не мѣшаютъ существованію общаго уровня воды въ морѣ. Степень колебаній и высоты отдѣльныхъ волнъ опредѣляется своими частными условіями, но и общій уровень имѣетъ свое, особое движеніе—слѣдствіе болѣе общихъ причинъ. Этого мало. Между оплатой труда одного качества и оплатой труда другого, высшаго или низшаго качества существуетъ извѣстная пропорціональность, которая имѣетъ тенденцію сохраняться при одновременномъ движеніи вверхъ или внизъ всѣхъ платъ. Между рабочими платами различныхъ отраслей, говоря иными словами, есть извѣстное взаимодѣйствіе. И потому всегда, когда крестьянинъ обращается къ какому нибудь подсобному заработку, онъ ощущаетъ на себѣ выгоды или невыгоды даннаго состоянія, даннаго уровня всѣхъ національныхъ заработныхъ платъ.

Во-вторыхъ, для рабочаго уровень крестьянскаго благосостоянія тоже не безразличенъ. Ничто такъ дурно не вліяетъ на величину его заработка, какъ количественный и качественный составъ «резервной рабочей арміи». До сихъ поръ она рекрутировалась главнымъ образомъ изъ деревень, изъ бѣглецовъ земледѣлія. Чѣмъ сильнѣе шло разореніе крестьянъ, тѣмъ стремительнѣе оказывался приливъ свободныхъ рабочихъ рукъ въ города, тѣмъ обостреннѣе становилась конкурренція. Заработная плата начинала тяготѣть къ пониженію и требовались героическія усилія, чтобы удержать ее на прежнемъ уровнѣ. Съ этой стороны прекращеніе пролетаризаціи крестьянъ несомнѣнно въ интересѣ городскихъ рабочихъ.

На основаніи всѣхъ выше приведенныхъ соображеній мы и не можемъ согласиться съ окончательными выводами Каутскаго: «крестьяне имѣютъ общимъ съ пролетаріями только жизненный уровень, только степень благосостоянія, а не интересы», а потому—если оставить въ сторонѣ временные союзы, которые въ исторіи возможны между самыми различными классами—какъ общее правило, они должны будутъ въ исторіи идти разными дорогами, и нынѣшній союзникъ завтра можетъ превратиться во врага»**). Это только болѣе осторожная форма выраженія того, что нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ марксистовъ высказываютъ яснѣе и откровеннѣе, напр.: «настоящіе крестьяне всегда будутъ нашими врагами», «крестьяне, какъ классъ, должны будутъ враждебно противосто-

---

*) Вѣдь если разобраться, такъ въ рядахъ «современнаго пролетаріата», изъ которыхъ Каутскій изгналъ множество категорій рабочихъ, остается, главнымъ образомъ, именно эта «рабочая аристократія».

**) Die Agrarfrage, S. 310.

которой Марксъ и Энгельсъ стояли въ сороковыхъ годахъ, когда они считали крестьянство безусловно реакціоннымъ элементомъ, а Энгельсъ даже предсказывалъ для пролетаріата въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ необходимость «подавить всеобщую крестьянскую войну»; когда еще перомъ того же самаго Энгельса не были написаны слова: «Итакъ, мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина...»

На этомъ мы и кончаемъ анализъ главы «Bauer und Proletarier». Но намъ остается еще разсмотрѣть коротенькую статейку Каутскаго «Bauernschutz une Arbeiterschutz», чтобы окончательно убѣдиться, до какой степени Каутскому измѣняетъ чувство самой элементарной справедливости всякій разъ, когда онъ говоритъ о крестьянахъ и отношеніяхъ ихъ къ рабочимъ; до какой степени систематически мѣряетъ онъ тѣхъ и другихъ различными аршинами. Эта статья является классическимъ образцомъ того, какъ подъ вліяніемъ узкой доктрины умный, талантливый, образованный, проникнутый гуманнымъ идеализмомъ авторъ теряетъ всякое чутье дѣйствительности, проявляетъ какую-то непонятную нравственную черствость и сухость, отсутствіе живой, сердечной любвикъ брату-человѣку, къ страдающему труженнику, который нуждается въ этой любви, нуждается въ дѣятельномъ сочувствіи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто-либо...

Нѣкоторые товарищи, говоритъ Каутскій, полагаютъ, будто мы, выступая въ пользу цѣлаго ряда мѣропріятій, охраняющихъ и защищающихъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ интересы рабочаго, должны совершенно такимъ же образомъ выступить въ пользу мѣропріятій, защищающихъ и крестьянскіе интересы. Каутскій полагаетъ, напротивъ, что защита интересовъ крестьянъ и защита интересовъ рабочихъ—вещи, въ принципіальномъ отношеніи существенно не одинаковыя и даже противоположныя *до полной несовмѣстимости*.

Послушаемъ доказательства. «Когда мы выступаемъ съ защитой рабочихъ,—говоритъ Каутскій,—то мы этимъ самымъ становимся въ противорѣчіе со всѣми другими общественными направленіями и группами. Если нѣкоторыя изъ нихъ и выставляютъ на своихъ знаменахъ защиту рабочихъ, то это происходитъ лишь подъ давленіемъ нашей конкурренціи, какъ актъ вынужденный, безъ достаточной силы, безъ серьезнаго отношенія (nur unwillig... schwächlich und ohne Ernst...). «Иначе обстоитъ дѣло съ защитой крестьянъ. Ея требуетъ *всѣ другія партіи*; въ этой области мы вступаемъ не въ противорѣчіе, а въ соревнованіе, въ конкурренцію съ этими партіями, желающими консервировать нынѣшнее хозяйственное положеніе. При томъ же мы вступаемъ въ такую конкурренцію, при которой мы могли бы дать меньше, чѣмъ иные изъ нашихъ противниковъ, такъ какъ мы должны считаться съ интересами пролетаріата, которые ихъ не связываютъ». «Въ одномъ случаѣ мы выступаемъ единственными защитниками дѣла, ненавистнаго нашимъ противникамъ, въ другомъ — пускаемся въ состязаніе изъ-за равной цѣли съ прежнимъ врагомъ, котораго не отягощаютъ ни теорическія сомнѣнія, ни необходимость считаться съ интересами рабочихъ классовъ».

Съ глубокимъ изумленіемъ останавливаемся мы передъ этими словами Каутскаго. Очевидно, это потому, что мы совсѣмъ не знаемъ Германіи. Мы и не предполагали, что это—настоящая мужицкая Аркадія. Какъ! Всѣ партіи—*всѣ*, такъ-каки прямо и написано *всѣ*—конкуррируютъ, состязаются тамъ одна передъ другой въ стремленіи къ защитѣ крестьянъ. И конкуррируютъ

*) Die Agrarfrage, S. 310.

не такъ, какъ въ защитѣ рабочихъ, а «иначе», слѣдовательно, не изъ тонкаго политиканства, не «вынужденно» (unwillig), не кое какъ (schwächlich), а относясь къ дѣлу совершенно серьезно (не „ohne Ernst"). Мало того, въ этой конкурренціи они могутъ крестьянамъ больше дать, чѣмъ Каутскій и К°, ибо не отягощены, подобно послѣднимъ, «ни теоретическими сомнѣніями, ни необходимостью считаться съ интересами рабочихъ классовъ». Однако, неужели же имъ вовсе не приходится считаться съ интересами другихъ классовъ, хотя бы «не-рабочихъ»? И неужели эти интересы, «не-рабочихъ» не «отягощаютъ», не «связываютъ» въ дѣлѣ защиты крестьянъ? Трудно на первый взглядъ повѣрить, чтобы все это написалъ такой человѣкъ, какъ Каутскій, и мнѣ въ собственномъ интересѣ необходимо привести въ примѣчаніи подлинный текстъ хотя бы самыхъ странныхъ изъ этихъ заявленій и отойти въ сторону, умывая руки *).

Таково, по Каутскому, первое отличіе охраны крестьянскихъ интересовъ» отъ «охраны рабочихъ интересовъ». Еще существеннѣе второе отличіе.

«Къ чему стремится наша охрана интересовъ рабочаго»?—спрашиваетъ Каутскій. «Къ защитѣ государствомъ рабочаго въ хозяйственномъ отношеніи (wirtschaftlichen Schutz)? Никоимъ образомъ! Мы объявляемъ государственное вмѣшательство въ экономическій круговоротъ въ пользу хозяйственнаго существованія (zu Gunsten der wirthschaftlichen Existenz) рабочаго ненужнымъ, даже опаснымъ, пока существуетъ общее господство капитализма...**). Мы всегда пренебрегали снискивать дешевую популярность выставленіемъ требованій защиты экономическаго существованія (zum Schutz der ökonomischen Existenz) рабочаго, какъ напр., гарантированный государствомъ минимумъ заработной платы, право на трудъ, требованіе государственной поддержки производительнымъ товариществамъ... Что можно и должно охранять отъ гибельнаго вліянія капитализма чрезъ посредство «защиты рабочихъ» — такъ это *физическую и духовную личность* работника».

«Къ чему, напротивъ того, стремится «защита крестьянъ»? Развѣ она обозначаетъ охрану физической и духовной личности крестьянина? Развѣ требуютъ распространенія фабричнаго законодательства на крестьянскія семьи, такъ же, какъ хотятъ ихъ распространенія на систему домашней промышленности? Развѣ хотятъ запретить крестьянину драть по двѣ шкуры со своихъ собственныхъ дѣтей (seine Kinder zu schinden), поручать своей женѣ опасныя работы, наконецъ, морить на работѣ самого себя до состоянія полнаго истощенія? Развѣ хотятъ предписывать для его жилищъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха, чистоты и т. п.? На такую защиту крестьянъ мы, пожалуй, согласились бы съ удовольствіемъ (einen solchen Bauernschutz liessern uns wohl wir gefallen). Насколько послужила бы она намъ для пріобрѣтенія популярности въ крестьянской средѣ, это другой вопросъ. Но наши сторонники «защиты крестьянъ» не хотятъ знать ничего этого; то, чего они требуютъ, это вовсе не защита *физической и духовной личности* крестьянъ, но за-

*) «Anders steht es mit dem Bauernschutz. Diesen verlangen alle anderen Parteien (что всего любопытнѣе, курсивъ подлинника!); auf diesem Gebiete treten wir nicht in Gegensatz sondern in Konkurrenz... in ein Wettrennen zum gleichen Ziel mit dem sonstigen Gegner, den weder theoretische Skrupel, noch Rücksichten auf die arbeitenden Klassen belasten».

**) «Wir erklären das staatliche Eingreifen in das ökonomische Getriebe zu Gunsten der wirtschaftlichen Existenz des Arbeiters für vergeblich, ja gefährlich so lange Kapitalismus in Staat und Gesellschaft herrscht, die Productionsmittel Privateigentuhm der Kapitalisten sind».

щита ихъ хозяйственнаго существованія. Итакъ, мы должны сдѣлать для крестьянъ то самое, чего мы не можемъ дѣлать даже для пролетаріата»!

Проанализируемъ хорошенько эту аргументацію Каутскаго.

Во-первыхъ, правда ли, будто «охрана рабочихъ» имѣетъ своимъ объектомъ лишь ихъ «физическую и духовную личность», а не «экономическое» или «хозяйственное существованіе»? Развѣ отказъ отъ „минимума заработной платы» и стараго, Луи-Блановскаго, «права на трудъ» есть уже отрицаніе всякой «хозяйственной» защиты? Ну, а государственное страхованіе, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, наконецъ, старости? Оберегаютъ ли они только физическую и духовную личность рабочаго, или, гораздо болѣе, *экономически вознаграждаютъ* его за ущербъ, нанесенный этой «физической и нравственной личности» колесами капиталистической машины? Развѣ пожизненная рента престарѣлымъ инвалидамъ труда не есть мѣра нѣкотораго обезпеченія именно ихъ «*хозяйственнаго существованія?*» Проводить сколько-нибудь послѣдовательно тотъ взглядъ, что при капиталистическомъ режимѣ нужно считать «государственное вмѣшательство въ экономическій круговоротъ въ пользу хозяйственнаго существованія рабочаго ненужнымъ и даже вреднымъ»— значитъ практически впадать въ своеобразное манчестерство, класть начало новой его разновидности—«соціалъ-манчестерству». Я уже не говорю о томъ, что запрещеніе дѣтской работы и ограниченіе женскаго и мужского труда—согласно Каутскому, образецъ «защиты духовной и нравственной личности рабочаго»—имѣютъ однимъ изъ своихъ результатовъ сокращеніе конкурренціи между рабочими, и повышаютъ минимумъ заработной платы гораздо вѣрнѣе, чѣмъ то государственное его фиксированіе, которое просто таки неосуществимо по чисто практическимъ соображеніямъ. И если, такимъ образомъ, государственное фабричное законодательство косвенно служитъ и «охранѣ хозяйственнаго существованія» рабочихъ, то думаю, что это его лишній плюсъ, а вовсе не неизбѣжное зло, съ которымъ только можно примириться изъ за благъ «защиты духовной и нравственной личности». Далѣе, пусть мы отказываемся отъ государственной субсидіи товариществамъ; но сами эти товарищества, безъ субсидіи, развѣ они даютъ «въ первой линіи» нѣкоторое обезпеченіе не *экономическому*, не *хозяйственному* существованію? Всѣ эти «Maisons de peuple» вродѣ брюссельскаго или предпріятія вродѣ принадлежащаго самимъ рабочимъ стекляннаго завода въ Альби, даже всѣ скромнѣйшія потребительныя общества—развѣ они не превращаютъ до извѣстной степени рабочихъ въ «хозяевъ» коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій? Да что и говорить! Я не причисляю себя къ «экономическимъ матеріалистамъ», но признаюсь, что и для меня связь между всѣми сторонами общественной жизни кажется настолько неразрывной, что я не представляю себѣ, какъ это можно сколько-нибудь серьезно охранять «физическую и духовную личность» рабочаго, не охраняя параллельно его хозяйственнаго существованія, не обезпечивая его, поскольку возможно, экономически. Но какъ же можетъ себѣ это представить Каутскій, для котораго экономика—всеопредѣляющій фундаментъ, а все прочее—только надстройка?

А, между тѣмъ, именно на этомъ разграниченіи защиты «экономической» отъ защиты «физическо-моральной» покоится весь второй аргументъ Каутскаго противъ допустимости «защиты крестьянства». Съ исходной точкой падаетъ и выводъ. Однако намъ нужно разсмотрѣть также

и тѣ мѣры «физическо-моральной» защиты крестьянства, на которыя Каутскій соглашается «съ удовольствіемъ». Въ этомъ «удовольствіи» скрыта не малая доза ироніи по адресу противниковъ Каутскаго, марксистовъ-крестьянофиловъ, такъ какъ «насколько эти мѣры могутъ посодѣйствовать ихъ популярности въ крестьянской средѣ—это другой вопросъ».

Первый пунктъ: запрещеніе крестьянину чрезмѣрно эксплуатировать своихъ семейныхъ, въ особенности дѣтей. Это предложеніе Каутскаго подчеркиваетъ снова и снова, что крестьянинъ—Unternehmer, что если у него не хватаетъ средствъ эксплуатировать чужого рабочаго, такъ онъ всетаки не хуже любого фабриканта эксплуатируетъ тѣхъ, кого можетъ, —не чужихъ, такъ членовъ собственной же семьи. Итакъ, прежде всего нужно защищать не *его*, а *противъ него* другихъ. Увы! случай, взятый Каутскимъ, неудаченъ, и ничего не говоритъ спеціально противъ крестьянина. Фабричный рабочій—не Unternehmer, однако же его patria potestas даетъ ему возможность иной разъ эксплуатировать своихъ дѣтей ужъ во всякомъ случаѣ не меньше крестьянина. Послушаемъ объ этомъ самого Маркса. Говоря въ первомъ томѣ своего «Капитала» о томъ, что съ введеніемъ машинъ мускульная сила становится излишнею, и потому открывается возможность приложенія женскаго и дѣтскаго труда, Марксъ продолжаетъ: «основное условіе обмѣна товаровъ предполагаетъ, что рабочій и капиталистъ встрѣчаются, какъ личности свободныя... теперь же капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или не совсѣмъ полноправныхъ Прежде рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которую онъ располагалъ, какъ вполнѣ свободная личность. Теперь *онъ продаетъ жену и дѣтей*. Онъ становится *торговцемъ рабовъ*». «Сцены и разговоры во время этого торга по истинѣ *возмутительны... возмутительныя наклонности* родителей-рабочихъ напоминаютъ *торговцевъ невольниками*»*). Поэтому фабричному законодательству «приходилось провозгласить права дѣтей. Къ несчастію—говоритъ заключительный отчетъ Ch. Empl. Comm. 1866 г.—изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній видно, что дѣти обоего пола нуждаются въ защитѣ всего болѣе отъ произвола своихъ родителей. Система неограниченной эксплуатаціи дѣтскаго труда вообще и домашняго въ особенности держится тѣмъ, что родители имѣютъ надъ своими малолѣтними дѣтьми безконтрольную, произвольную, необузданную власть... Власть родителей надъ дѣтьми не должна доходить до того, чтобы они обращали ихъ въ простыя *машины съ цѣлью полученія того или другого количества недѣльной платы*... Поэтому дѣти и несовершеннолѣтніе имѣютъ право на защиту со стороны законодательства противъ злоупотребленій родительской властью, которая преждевременно разрушаетъ ихъ физическія силы и понижаетъ ихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи»**). Даже послѣ введенія соотвѣтственной статьи въ фабричное законодательство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи, для обхода закона, наблюдалось, какъ система, преувеличеніе путемъ подлоговъ возраста дѣтей «для удовлетворенія страсти эксплуатаціи капиталистовъ и *потребности наживы самихъ родителей*»***).

Итакъ, поскольку крестьянинъ можетъ «драть по двѣ шкуры» съ собственныхъ дѣтей и жены, это вовсе не является результатомъ того, что онъ—*именно* крестьянинъ, Это приходится отнести вовсе не на счетъ его «фанатизма собственности», какъ мелкаго производителя. Единственной причиной здѣсь является горькая нужда, которая одинаково

*) Кап. I, 346—347. **) Кап. I, 428. ***) Ibid.; 347.

дѣйствуетъ на него, какъ и на пролетарія. Съ этой стороны и слова Маркса, приведенныя выше, нуждаются въ нѣкоторыхъ оговоркахъ. Намъ, въ нашемъ привилегированномъ положеніи, конечно, не трудно клеймить «возмутительныя наклонности», «необузданный произволъ», «страсть къ наживѣ» тѣхъ рабочихъ (а также и крестьянъ)—отцовъ, которые обращаютъ жену и дѣтей въ живыя машины. Но вѣдь, въ сущности, эта легкость зависитъ въ немалой степени отъ того, что намъ трудно поставить себя на ихъ мѣсто, понять, прочувствовать самимъ весь трагизмъ ихъ положенія. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, имъ чуждъ тотъ инстинктъ родительской любви къ своему дѣтищу, который не чуждъ даже дикому звѣрю? Конечно, отдѣльныя нравственныя уродства возможны, но вѣдь мы говоримъ о явленіяхъ общаго, массового характера, а не объ исключеніяхъ. А, какъ общее правило, развѣ отцы просто на просто строютъ на трудѣ своихъ дѣтей собственное благополучіе? Не идетъ-ли скорѣе вопросъ о благополучіи—или даже не о благополучіи, а просто о существованіи—всей семьи, въ томъ числѣ и самихъ дѣтей? «Страсть къ наживѣ!» Какой горькой ироніей звучатъ для бѣдняка эти слова! Нѣтъ, когда дѣло доходитъ до торговли собственными дѣтьми, какъ невольниками, тутъ приходится думать не про «*наживу*», а лишь *быть-бы живу*!

Это не значитъ, конечно, чтобы не нужно было охранять правъ дѣтей. Очень нужно, и, напримѣръ, законъ объ обязательности обученія является однимъ изъ средствъ спасенія физической и духовной личности ребенка. Нельзя только ограничиваться этимъ, нельзя, отнимая у бѣдняка одно средство борьбы за существованіе, отказываться дать ему какое-нибудь другое, т. е. отказываться помочь ему *экономически*, согласно соціалъ-манчестерству Каутскаго. Покажите крестьянину другой исходъ, другой способъ житейской борьбы за лучшую долю, за непосредственное облегченіе своего положенія—тогда дѣло другое! И фабричные работники, если-бы они не нашли иныхъ средствъ помочь себѣ именно въ *хозяйственномъ* отношеніи, до сихъ поръ-бы «торговали невольниками» и говорили всѣмъ филантропамъ—«руки прочь!»

Интересенъ второй пунктъ, второй видъ защиты крестьянина, какъ «физической и духовной личности», по методу Каутскаго: «запретить крестьянину морить самого себя на работѣ до состоянія полнаго истощенія». Это, конечно, очень хорошее, а главное, простое средство; столь же простое, какъ и тотъ рецептъ, который далъ расхворавшемуся бѣдняку-рабочему приглашенный имъ жрецъ эскулапа:

Мнѣ докторъ преважно тогда прописалъ
Гулять, отдыхать и кататься,
Да кстати совѣтъ утѣшительный далъ —
Здоровою пищей питаться.

Когда же паціентъ задалъ въ отвѣтъ совершенно неумѣстный вопросъ, чѣмъ же ему жить—ученый мужъ очень логично отвѣтилъ, что это его не касается. Дѣло не доктора, а самого паціента найти себѣ такое занятіе, которое бы позволило выполнять всѣ указанія медицинской науки... Въ этомъ родѣ говоритъ и Каутскій. Положеніе крестьянина безусловно жалкое; но это не значитъ, чтобы крестьяну слѣдовало помогать. Нечего чинить разваливающійся домъ, изъ котораго просто нужно выйти и завести новое жилище. «Сохраненіе мелкаго производства въ земледѣліи», говоритъ Каутскій,—«это лучшее средство вырожденія населенія; поэтому мы не имѣемъ никакихъ основаній, съ своей стороны, еще поддерживать такое жалкое существованіе». Каутскій забываетъ, лег-

ко ли крестьянину—не единичному, конечно, а массѣ—замѣнить его чѣмъ-нибудь лучшимъ? И не придется ли при массовой пролетаризаціи крестьянъ многимъ распроститься не только съ «*жалкимъ*» существованіемъ», но и вообще съ земнымъ *существованіемъ?*

Но перломъ всей «исключительно физическо-моральной» защиты крестьянина является, все-таки, третій пунктъ: «предписывать» для его жилищъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха, чистоты и т. д.».

Я затрудняюсь въ пріисканіи словъ для критики... Бываютъ стихотворенія, на которыя никакія пародіи невозможны: они сами себѣ—лучшія пародіи... Здѣсь, кажется, даже слѣпой увидитъ, насколько разная у Каутскаго мѣрка для крестьянина и для рабочаго. Въ самомъ дѣлѣ, отсутствіе «минимальнаго содержанія воздуха, свѣта, чистоты и т. п.» наблюдается въ жилищахъ рабочихъ; мало того, оно принимаетъ нерѣдко такіе угрожающіе размѣры, что разростается въ цѣлый огромный, спеціальный вопросъ, которому давно дано и особое имя—«Wohnungsfrage». Надъ проблемой этого «жилищнаго вопроса» работаютъ многіе, работалъ и самъ Каутскій; много было придумано разнаго рода средствъ, но никто еще, кажется, не додумался до того, чтобы разрѣшить его попросту, безъ затѣй, методомъ становыхъ приставовъ—«предписать» самимъ жертвамъ дурныхъ жилищныхъ условій, чтобы у нихъ было вездѣ чисто, свѣтовая площадь и кубическій объемъ помѣщенія—такіе, какіе предписаны врачебнымъ управленіемъ, и такъ далѣе. Но вѣдь у насъ рѣчь не о городскихъ, а о крестьянахъ—и вотъ почему «einen solchen Schutz liessen wir uns wohl gefallen»!

Я боюсь, однако, что кто-нибудь отсюда сдѣлаетъ умозаключеніе, что Каутскій и въ самомъ дѣлѣ или просто самъ по себѣ нравственно-черствый и несправедливый человѣкъ, или «ученый мужъ» вродѣ комическаго доктора въ цитированномъ выше стихотвореніи. Я боюсь, далѣе, что тонъ и характеръ моихъ критическихъ замѣчаній можетъ подкрѣпить такое отношеніе къ Каутскому. И я спѣшу сказать, что оно было бы глубоко несправедливымъ. Каутскій отнюдь не такой «комикъ», Каутскій въ самомъ серьезномъ, а вовсе не въ ироническомъ смыслѣ ученый человѣкъ, Каутскій, какъ широкій идеалистъ, несомнѣнно, въ нравственномъ отношеніи высоко поднимается надъ обычной нормой. Онъ только логически-послѣдователенъ, что, при невѣрности исходной точки, и приводитъ къ болѣе чѣмъ страннымъ выводамъ... Но попробуйте судить Каутскаго не со своей, а съ его точки зрѣнія. Припомните, что для Каутскаго крестьянинъ—это Unternehmes als Kapitalist, als Fabrikant. Согласитесь только съ нимъ на минуту—и всѣ его практическіе выводы будутъ не только не дикими, не только естественными и понятными, но даже единственно возможными по правиламъ логики. Каутскій желаетъ лишь распространить на деревню фабричное законодательство. Оно диктуетъ предпринимателямъ, капиталистамъ извѣстныя мѣры — минимальный рабочій день, минимумъ свѣта и воздуха въ помѣщеніяхъ, чистоту въ нихъ, etc. Крестьянинъ—самъ свой капиталистъ, самъ предприниматель. Вотъ онъ, какъ всѣ предприниматели, и будетъ обязанъ, согласно *предписаніямъ*, занимать своихъ рабочихъ, т. е. себя же, свою жену и своихъ дѣтей, не дольше извѣстнаго времени и перестроить свое помѣщеніе по всѣмъ правиламъ науки (можетъ быть даже образовать изъ своей «предпринимательской прибыли» страховой, инвалидный, школьный и больничный капиталы?). Какъ это отзовется на немъ спросите, можетъ быть, вы? Да

какъ бы ни отозвалось, это безразлично. Мало-ли предпринимателей—и крупныхъ, и мелкихъ—разоряются или стоятъ наканунѣ банкротства! Тотъ или другой фабрикантъ можетъ быть несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ, еле сводить концы съ концами, запутаться кругомъ въ долгахъ, голодать, наконецъ—не прекращать же дѣйствіе фабричныхъ законовъ въ его мастерской, не дозволять же ему поправляться на счетъ своихъ рабочихъ. Прилагая эту точку зрѣнія къ крестьянину, мы получимъ безукоризненно-логическій выводъ: нельзя крестьянину, какъ предпринимателю, въ конкурренціи съ крупнымъ производствомъ позволить держаться на счетъ себя самого, какъ рабочаго, или—говоря иными словами, словами самого Каутскаго: «*защищать крестьянина, какъ работника, значитъ унижать его, какъ самостоятельнаго сельскаго хозяина* (denn den Bauer als Arbeiter schützen, hiesse den Bauer als Landwirth ruiniren)».

Тѣмъ самымъ мы подошли вплотную къ третьему пункту, также отличающему, по мнѣнію Каутскаго, защиту рабочихъ отъ защиты крестьянъ. Законодательная защита рабочихъ есть лучшее средство устранить съ дороги такія производства, которыя стоятъ не на высотѣ своего времени въ техническомъ отношеніи и могутъ держаться лишь усиленной эксплуатаціей рабочихъ. Фабричное законодательство есть могучій факторъ промышленнаго прогресса, даже болѣе того—прогресса капитализма*). Иное дѣло—крестьянство. Что угрожаетъ его существованію? «Очевидно, развитіе экономическихъ отношеній, которое во всѣхъ странахъ съ современнымъ способомъ производства идетъ закономѣрно, однимъ и тѣмъ же ходомъ... Если защита крестьянъ можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, такъ только одинъ: она должна обозначать противодѣйствіе экономическому развитію».

Этотъ аргументъ Каутскаго прежде всего основанъ, какъ на истинѣ доказанной, на положеніи, что хозяйственное развитіе можетъ совершаться во всѣхъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ производства только въ одной формѣ—капиталистической; что какъ въ индустріи, такъ и въ земледѣліи существуетъ «единый капитализмъ», развивающійся закономѣрно, по опредѣленному масштабу; что, наконецъ, крестьянское хозяйство неспособно ни при какихъ условіяхъ развить изъ себя самостоятельную прогрессивную тенденцію. Каутскій исходитъ изъ этихъ положеній какъ изъ доказанныхъ уже. Я лично ихъ не раздѣляю. Я напротивъ, исхожу изъ трехъ совершенно иныхъ положеній; существуютъ различные мѣстные или національные типы цикловъ капиталистической эволюціи, въ зависимости отъ положенія страны на всемірномъ рынкѣ, мѣста, занимаемаго ею въ системѣ международнаго раздѣленія труда, времени выступленія на путь хозяйственнаго развитія и, наконецъ, силы переживаній старыхъ историческихъ формацій; что касается отдѣльныхъ отраслей производства, то въ земледѣліи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, наблюдается преобладаніе капиталистической *формы* надъ *содержаніемъ*, эксплуататорскихъ, разрушительныхъ сторонъ капитализма надъ исторически-созидательными; на почвѣ коопераціи, обобществленія снизу, свободнаго ассоціированія труда и собственности по иниціативѣ самихъ землевладѣльцевъ возможна (наряду съ капиталистической) и некапиталистическая эволюція сельского

*) Ср. К. Марксъ. Капиталъ, т. I, стр. 417: «Но если фабричный законъ искусственно способствуетъ болѣе быстрому развитію мануфактурнаго производства въ фабричное, то въ то же время онъ ускоряетъ какъ гибель мелкихъ хозяйствъ, такъ и накопленіе капитала въ немногихъ рукахъ вслѣдствіе необходимости большихъ затратъ капитала».

хозяйства. Вдаваться въ разсмотрѣніе трехъ этихъ спорныхъ пунктовъ, конечно, здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что я посвятилъ имъ особую статью въ «Русскомъ Богатствѣ» («Типы капиталистической и аграрной эволюціи»).

Разсмотримъ здѣсь поэтому только одинъ вопросъ: правда-ли, что защита крестьянъ не можетъ содѣйствовать экономическому развитію, даже понимая это развитіе въ узкомъ смыслѣ раціонализаціи хозяйства въ капиталистической формѣ? Вѣдь одно изъ самыхъ важныхъ препятствій такой раціонализаціи заключается въ чрезмѣрной легкости и выгодности поверхностной капиталистической эксплуатаціи въ самыхъ различныхъ формахъ: самаго ненормальнаго возвышенія арендныхъ цѣнъ, укороченія арендныхъ сроковъ, ростовщичества, спекуляціи крестьянскимъ хлѣбомъ въ «трудныя времена», примѣненія дешеваго труда крестьянъ, для которыхъ наемка является лишь «подспорьемъ», а не основнымъ фондомъ существованія. Къ тому же ведетъ произволъ землевладѣльцевъ, запускающихъ порою земли подъ лѣсъ ради охотничьихъ цѣлей и т. п.

Рядъ мѣръ, которыя подорвали-бы эти легкіе способы «накопленія капитала помимо реорганизаціи производства», имѣли бы громадное прогрессивное значеніе для сельскаго хозяйства. Регулированіе арендныхъ контрактовъ, въ смыслѣ платежа аренды исключительно изъ чистаго дохода хозяйства*), вознагражденіе арендатора за произведенныя улучшенія почвы, организація дешеваго кредита государствомъ въ противовѣсъ ростовщичеству и спекуляціи крестьянскимъ хлѣбомъ, обезпеченіе землею и средствами производства крестьянскихъ товариществъ и общинъ по экспропріаціи лежащихъ впустѣ или плохо обрабатываемыхъ частными владѣльцами земель—вотъ эти мѣры. Онѣ сдѣлали-бы невозможными худшіе паразитическія формы капитализма въ земледѣліи, оставляя жизнеспособность лишь за такими капиталистическими хозяйствами, которыя держатся *раціонализаціей* земледѣлія. Болѣе того, онѣ поставили-бы передъ всѣми крупными хозяйствами дилемму: раціонализаціи или уничтоженіе! И по скольку капитализмъ можетъ имѣть raison d'être, поскольку онъ можетъ выступать, какъ творческое начало,—постольку, не болѣе, онъ и развивался-бы. Съ другой же стороны, мелкія хозяйства, освободившись изъ подъ гнета грубыхъ, первобытныхъ формъ эксплуатаціи, могли бы также развить на свободѣ всѣ свои потенціальныя силы, испробовать безъ помѣхъ на опытѣ *свою* способность къ экономическому развитію въ новыя формы.

Такъ думаемъ мы. Не таково, однако мнѣніе Каутскаго. Логически исходя изъ своей принципіальной точки зрѣнія, которая, кромѣ «единаго «капитализма», знаетъ лишь «отжившія формы», стоящія ему поперекъ пути —Каутскій приходитъ къ своему окончательному выводу, къ практической морали всѣхъ своихъ теоретическихъ выкладокъ. «Такимъ образомъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ изъ простого созвучія послѣднихъ словъ (Bauernschutz—Arbeiterschutz) умозаключать, будто защита крестьянъ обозначаетъ перенесеніе общей идеи защиты рабочихъ съ индустріи на сельское хозяйство. Въ дѣйствительности, напротивъ, защита крестьянъ является *прямою противоположностью* защиты рабочихъ и съ послѣдней *совершенно несовмѣстима* (das gerade Gegentheil des Arbeiterschutzes und mit diesem völlig unvereinbar)».

Что же можно сказать объ этомъ? Finis coronat opus..,

*) Т. е. за вычетомъ изъ валового дохода, кромѣ издержекъ постояннаго капитала, еще нормальной заработной платы непосредственныхъ работниковъ и суммы, необходимой для пропитанія арендатора.

Мы не случайно выбрали Каутскаго, какъ представителя той точки зрѣнія, которая, на нашъ взглядъ, является слишкомъ односторонней и узкой. Мы взяли его не только потому, что онъ человѣкъ выдающагося таланта, ума и образованія. И не только потому, что онъ сейчасъ—признанный теоретическій глава, глава того теченія въ нѣмецкомъ марксизмѣ, которое уже давно пересажено на русскую почву. Правда, оригиналъ всегда предпочтительнѣе копіи, тѣмъ болѣе, что не всегда и не всѣ копіи хорошо дѣлаются; но одно это еще не оправдало бы удаленія заграницу искать изложенія той точки зрѣнія, съ которой можно встрѣтиться и дома. Нѣтъ, спеціально-нѣмецкая постановка вопроса имѣетъ за себя еще то громадное преимущество, что она обладаетъ всегда той законченностью и округленностью, которою не обладаетъ и по всѣмъ условіямъ не можетъ обладать русская постановка. Дѣло въ томъ, что всѣ наши споры обычно имѣютъ слишкомъ теоретическій и отвлеченный характеръ, они отрознены отъ живой связи съ практической жизнью и потому итоги ихъ не облекаются непосредственно въ плоть и кровь, не ведутъ къ ясной и опредѣленной модификаціи практическаго поведенія. Не то въ Германіи. Голосъ Каутскаго и любого изъ его товарищей, нынче раздающійся въ партейтагѣ или просто находящій свой отголосокъ на страницахъ журналовъ или газетъ, завтра встаетъ лицомъ къ лицу съ непосредственной жизнью въ ландтагѣ или рейхстагѣ, при обсужденіи и рѣшеніи судьбы какого-нибудь законопроекта, касающагося непосредственно интересовъ крестьянскаго населенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякая теоретическая мысль должна быть обязательно продумана до всѣхъ своихъ прикладныхъ, практическихъ выводовъ...

И поэтому выслушавъ Каутскаго, мы можемъ охватить новую точку зрѣнія во всемъ ея объемѣ. Нѣтъ ничего неяснаго, ничего недоговореннаго. Я знаю не только то, какъ она выглядитъ съ точки зрѣнія теоретической стройности и симметріи, но и къ чему она обязываетъ. Личныя свойства Каутскаго какъ нельзя болѣе содѣйствуютъ этому. Именно логическая послѣдовательность, неумолимая, безстрашная, не останавливающаяся передъ самыми, казалось бы, законными человѣческими чувствами и симпатіями, когда они стоятъ поперекъ дороги торжеству принципа, именно эта послѣдовательность и составляетъ силу Каутскаго. Впрочемъ, одновременно и силу и слабость... Силу—потому, что это не электрическая смѣсь стараго и новаго, а дѣйствительно единая, стройная система, какъ бы высѣченная изъ одного цѣльнаго куска гранита. Слабость—потому, что быть послѣдовательнымъ, исходя изъ невѣрной точки зрѣнія, значитъ продѣлывать самому со своими взглядами убійственное reductio ad absurdum.

Только при такомъ цѣлостномъ и практическомъ сопоставленіи двухъ точекъ зрѣнія и возможенъ сознательный выборъ между ними, И, оглядываясь на весь логически пройденный нами въ этой статьѣ путь, мы заявляемъ съ полной убѣжденностью и энергіей: нѣтъ, мы рѣшительно отвергаемъ такую поправку къ нашей старой, испытанной формулѣ, которую болѣе четверти вѣка тому назадъ провозгласилъ Н. К. Михайловскій: интересы *народа*, какъ совокупности трудящихся классовъ, являющихся для насъ *народомъ* ровно постольку, поскольку они воплощаютъ и представляютъ *трудовое начало*. Мы остаемся при этой формулѣ, потому что въ ней больше и широкой теоретической истины, и конкретной жизненной правды и—*человѣчности!*...

КНИГОЗБІРНЯ
„СТУДІОН"
у Львові

3,

100=
533465996
(1986)
РЛ1435 у

Новыя изданія:

Программы политическихъ партій подъ ред. и съ предисловіемъ С. С. ЗАКА . . . . . ц. — р. 50 к.
Программа Соціалистовъ-Революціонеровъ . . . . ц. — р. 10 к.
Программа Труд. Народно-Соціалистич. Партіи . . ц. — р. 10 к.
Программа Соціалъ-Демократической рабочей партіи. ц. — р. 10 к.
Трудовому народу объ Учредительномъ Собраніи С. С. ЗАКА . . . . . ц. — р. 5 к.
Учредительное Собраніе и его задачи А. ЛИСЯНСКАГО . . . . . ц. — р. 35 к.
Суверенитетъ народа и Учредительное Собраніе Е. ГОРСКАГО . . . . . ц. — р. 30 к.
Какъ выбирать депутатовъ въ Учредительное Собраніе Г. Д-НА . . . . . ц. — р. 20 к.
Демократическая Республика или Конституціонная Монархія . . . . . ц. — р. 15 к.
Какъ возникло на Руси самодержавіе . . . . ц. — р. 15 к.
Земскіе Соборы. Исторія Земскихъ Соборовъ С. АВАЛІАНИ . . . . . ц. 1 р. 50 к.
Кто и какъ нами управлялъ до переворота. Г. Д-НА ц. — р. 20 к.
Какъ царь Николай лишился мѣста (сказка въ стихахъ). Э. КРОТКАГО . . . . . ц. — р. 20 к.
Разсказы изъ Русской исторіи ШИШКО въ 3-хъ частяхъ I ч. . . . . ц. — р. 80 к.
Какъ уравнять пользованіе землей. П. ВИХЛЯЕВА ц. — р. 30 к.
Соціализмъ и аграрный вопросъ. С. С. ЗАКА . . ц. 1 р. — к.
Декларація правъ человѣка и гражданина Е. ГОРСКАГО . . . . . ц. — р. 25 к.
Пѣсни Революціи . . . . . ц. — р. 20 к.

И МНОГО ДРУГИХЪ КНИГЪ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

Книжный магазинъ **А. А. Ивасенко**, п./ф. „Одесскія Новости"
Дерибасовская, 20. Тел. 24-20.

Книжный магазинъ „ТРУДЪ", Дерибасовская, 25.
Тел. 19-28.

В. М. Черновъ.

Львів. Бібліотека АН. УРСР

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОЧІЙ

КАКЪ КАТЕГОРІИ ХОЗЯЙСТВЕННАГО СТРОЯ.

КНИГОЗБІРНЯ „СТУДІОН" у Львові

5-ое изданіе.

Св. ст. 1 ч. 1913 р.

Изданіе объединенныхъ фирмъ

Книжный магазинъ **А. А. ИВАСЕНКО**
п. ф. „Одесскія Новости"
ОДЕССА, Дерибасовская, 20
Тел. 24-20.

Книжный магазинъ **„ТРУДЪ"**
ОДЕССА, Дерибасовская, 25
Тел. 19-28.

Одесса, 1917 г.